

Лжец на троне 5. Имперский престол

Денис Старый

Денис Старый

**Лжец на троне 5.
Имперский престол**

«Автор»

2026

Старый Д.

Лжец на троне 5. Имперский престол / Д. Старый — «Автор»,
2026

Пятая книга цикла "Лжец на троне". Все еще бушуют войны, непредсказуемы внешнеполитические конфигурации и расклады, где вчерашний враг, может стать не таким и враждебным. А еще нужна "кровь для войны", экономика, которая прокормит страну и позволит усилиться. В преддверии глобальных потрясений в Европе, что именно станет делать главный герой и куда он поведет свою империю? Узнаем в пятой части цикла.

© Старый Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Денис Старый

Лжец на троне 5. Имперский престол

От автора

Наш современник попадает в тело Лжедмитрия. Все бы ничего, но это 17 мая 1606 года, раннее утро. Уже бегут москвичи в сараи за топорами и вилами, чтобы поспешить бить ляхов, которые, якобы, решили извести природного царя. В это время Дмитрий Иванович Шуйский уже уменьшил кремлевскую охрану и поставил в Кремле частью своих людей. Звонят колокола, верные Василию Шуйскому люди идут к Спасским (Иерусалимским) воротам. Заговор, чтобы убить самозванца ширится, а он, Лжедмитрий в это время нежится в постели с женой-католичкой Мариной Мнишек.

Именно в этот момент и происходит перенос. Главный герой пытается разобраться, что вообще произошло, но время на осознание невозможности попаданчества нет, нужно действовать. И он бежит.

Многие готовы стать за Дмитрия Иоанновича, а он, доверясь Петру Басманову, бежит в Каширу и дальше в Тулу. Тут еще много тех, кто верит Дмитрию. Собирается войско, чтобы выступить к Москве и забрать причитающееся. А попаданец видит только один шанс выжить – стать государем. И Москва принимает своего царя.

Басманов же ведет свою линию и хочет «ручного царя», когда тот подчинялся бы воли боярина. И Петр поплатился, был казнен. После, когда главный герой уже сядет на трон в Москве, ему придется казнить многих людей. Падут Мстиславские, Трубецкие, Шуйские. Часть из них побежит к польскому королю Сигизмунду и примкнет к новому самозванцу, прозванного «Могилевским». Федор Никитич Романов долго хитрит и избегает опалы, но, в итоге и он убит, с семьей.

Но не только кровь льется по Руси, но и зарождаются ручейки просвещения и промышленного рывка. Создаются мануфактуры, тратятся деньги на приглашение специалистов из Европы, рождается стекольная и хрустальная столица в Гусе. Создается газета, где главным редактором становится Козьма Минин, школы, лекарни.

Много врагов у России и воевать приходится непрестанно. Пусть создаются новые полки, вооружаются и обучаются воины, но не все и не сразу получается. Большими трудами и потерями удастся уничтожить опасность со стороны самозванца Могилевского, начнется война с Речью Посполитой.

Польско-литовское войско разгромлено и, казалось, что пора заниматься только сельским хозяйством и производством, мирно торговать с Англией и Персией, но нет... Шляхта требует от короля Сигизмунда новой войны, польский Сейм не признает мира. Шведы, так лелеющие мечты о Новгороде и других русских городах, так же пытаются не столько силой оружия, как с помощью дипломатических уловок, заставить Россию смириться с территориальными потерями.

Нужна торговля и сотрудничество с Персией, Англией, Голландией, и в этом направлении ведется работа. Если ты сильный и за твоими плечами великие победы, то и другие государи готовы разговаривать, как и персидский шах Аббас.

Снова война, снова победы и сложности. Новые попытки государственных переворотов и смерти заговорщиков. А у главного героя семья, родился сын, дочка, с женой пастельно-уважительные отношения. И вновь проблемы, а Ксения заражается оспой...

Глава 1

Глава 1

Москва

17 мая 1609 год. Утро.

Я сидел и смотрел в распахнутое окно. Свежесть по-летнему теплого дождя была приятной, но все равно навевала уныние. Больше двух недель я находился в напряжении. Теперь, когда оно спало, болезни отступили, пришла грустная пустота.

У каждого человека есть минуты, когда он слаб. Даже сильные личности, а я себя слабым не считаю, могут быть уязвимы. Однако, всему окружению лидера будет казаться, что он не бывает слабым, так как эти моменты слабости очень коротки, не заметны другим.

Вот сделай то, что считаешь чуть ли не героическим, правильным, мужественным, а тебя не оценят, напротив, обвинят в глупости и объявят ненужным. Так и я, ухаживал за женой, а она не оценила поступка.

– Жопорукие, – пробурчал я, когда стекло чуть не выпало из рамы из-за небольшого дуновения ветра.

Штапики были прибиты из рук вон плохо, держали стекло очень слабо. Может потому, что стекольное полотно было обрезано неровно, или что мелкие гвозди, до того мало где используемые, никудышные. Вот так, с такой критикой, можно относиться к тому, что я находился в светлой, кажущейся еще более просторной комнате с остекленными окнами. А можно и по-другому. Ого! Это же первые прозрачные стекольные окна в мире и я это принес в мир! Я на этом заработаю большие деньги и смогу перевооружить всю армию [даже в Древнем Риме были стеклянные окна, но они были дутыми и слишком толстыми, а в этом веке только начнут производить толстостенные круглые окна]!

Так что речь идет о том, как относиться к жизни и на что обращать внимание. Если есть достижения, то стоит их ценить. А они, достижения, есть.

Я остановил Смуту, укрепил, а, местами, возвеличил престол Российской империи! Выиграл одну войну с Речью Посполитой, а сейчас веду еще одну, вполне удачную. Разгромил ногайскую Орду, создал условия для междоусобной грызни в Крыму. Я налаживаю отношения с Персами и товары по Волжскому пути, более безопасному, чем ранее, идут в русские города. Есть стекольное производство, оружие начинаем сами изготавливать. Как минимум, вернули объем пушечного производства. Работают многие мануфактуры, есть газета и проводится идеологическая работа. И прочее, прочее, чего и близко не было в той истории, которую я учил в школе.

– Все, достаточно ныть! – сказал я сам себе, решительно встал и пошел на выход из комнаты.

Два дня назад сняли карантин, все, кто был в Кремле, это вместе с Ксенией четверо зараженных, выжили. Я не знаю, почему именно так произошло, может, потому, что витаминов ели больше или молитвы помогли, в свойство которых я все больше верю, становясь истинно верующим человеком. Уход ли особый? Мази, на основе календулы, которым смазывали оспины. Но есть свершившийся факт – в Кремле все выжили, а на карантине в Троице-Сергиевой лавре три умерших, включая личного духовника Ксении.

Дети не заболели вовсе, заразилась прислуга Ксении, ну, и она сама. Хуже всего было жене. Опасаюсь того, что последствия болезни супруги еще не раз мне скажутся. Дело в том, что лицо Ксении серьезно покрылось оспинами, которые и сейчас не думают сходить.

– Ты еще здесь? – с негодованием в голосе, спросила Ксения, входя в свою же комнату.

– Ксения, не срывай на мне злобу! – отвечал я, попробовал обнять жену, но был одернут.

Ксения, безглаголиво дернув плечом, куда легла моя рука, вырвалась и отошла в угол комнаты. Она стала там, как затравленный зверь тяжело дыша и, словно, готовясь накинуться на врага. Я для нее сейчас враг.

– Да, какого хрена! Я в чем виноват? Зачем губишь нашу жизнь и семью? – зло сказал я, чуть ли ни сплюнул, махнул рукой и пошел прочь.

Когда появились сведения, что в Троице-Сергиевой лавре, где в этот момент молилась Ксения, началась эпидемия оспы, моментально установили карантин. В лавру приехали пятнадцать врачей, что меня изрядно порадовало. Не боятся наши новоиспеченные лекари, готовы они пожертвовать собой, жаль, что один лекарь скончался от оспы.

Ксения еще до известий об эпидемии приехала в Кремль. Она чувствовала недомогания и потому еще до выявления диагноза, вводились карантинные меры. Вся женская половина была оцеплена и никто оттуда не выходил и не заходил во внутрь, лишь передавалась еда. Между собой каждая комната была также изолирована. Кто в тот момент, когда выявилось недомогание царевны, в какой комнате находился, там и остался.

Я, конечно, рисковал собой, не без этого, находился в одной комнате с женой, но я не контактировал с ней, а мое, условно, спальное место было огорожено ширмой. Понятно, что меры безопасности так себе, но я не заболел. Лечение было во многом импровизацией. Лечить неизлечимую болезнь – вообще оксюморон. Но принимались меры по укреплению организма. Ксению заставляли употреблять витаминизированные продукты, поддерживали ей высокий гемоглобин гречкой и говяжьей печенью, которую она, уверен, еще не скоро сможет есть, так как насытилась надолго. Оспины мазали календулой и соком куриной слепоты, получалось, что их слегка выжигали.

Мое участие во всем этом заключалось, скорее, в добром слове жене и волшебном пинке всем причастным к процессу выздоровления. И что я получаю? Недовольство от жены и упреки. Ладно, пусть переберется.

– Акинфий! – звал я своего помощника, который показал себя большим молодцом и смог закрыть немало вопросов и проблем, которые возникали в связи с моим отсутствием.

Он смело общался с боярами, выслушивая от тех, порой, весьма оскорбительные речи. Он доставлял мне послания, корреспонденцию. Смог сохранить в тайне мой неоднозначный, а, скорее, глупый поступок от многих. Все челобитники разворачивались под разными историями-предлогами. И пусть по Москве понеслись слухи, а Захарий Петрович Ляпунов не успевал отслеживать сплетников, в целом, справились и паники в стольном граде не случилось. В этом весьма помогла газета «Правда», вышедшая с заголовками и статьями, что, мол, все в порядке, царь жив. Лишь царица слегка приболела.

– Государь-император, чего изволите? – как обычно, из ниоткуда, материализовался помощник.

– Что нового по расследованию? – спросил я, не уточняя по какому именно, так как это было само собой разумеющееся.

– Другой день уже Захарий Петрович самолично просит прибыть, – отвечал Акинфий, семеня следом за мной.

Я шел широким шагом, быстро, решительно направляясь, в сторону своего кабинета.

Могло складываться впечатление, что я убегаю от проблем, и это так и было. Я не просто оказался раздосадованным реакцией Ксении, но и обижен на нее. Балконов тут нет, падать на меня не чему, но хотелось бы, что все поступки были оценены. Однако, убегая от одних проблем, я врываюсь, словно ледокол на северном морском пути, в ворох иных важных и сложных вопросов.

– Кто из бояр в Москве? – спросил я на ходу.

– Князь Пожарский завтра-послезавтра прибывает. Головины с англичанами и голландцами прибыли, – докладывал Акинфий.

– Первым зови Захария Ляпунова. После обеда жду к себе англичан. На завтра давай Тохтамыш, – тут я задумался. – И сразу Сагайдачного, токмо не вместе, но они должны друг друга увидеть.

Я накидывал задачи Акинфию и определял свой график на ближайшие дни. Предстоит провести немало встреч и переговоров. Встречи с англичанами больше приятные, так как там речь пойдет об увеличении объемов товарооборота и перспектив использования Риги, как русского порта.

– Акишка, доклады от Скопина-Шуйского пришли? – спросил я.

– Да, Государь, – отвечал Акинфий, посмотрел на меня, вспомнил, продолжил. – Привез Хворостинин Юрий Дмитриевич. Это сеунч, государь-император.

Сеунч – важная составляющая военных традиций Руси. Радостная весть о победе. Тот, кто приносит добрые вести о великих свершениях, должен быть поощрен. То, что Скопин прислал Хворостинина, это хорошо. А ведь мог пожадничать и оставить себе, ограничившись письменным докладом. А мне нужно придумать, что именно даровать Юрию Дмитриевичу Хворостинину.

Скопин начал компанию резво, бьет ляха и там, и сям. Как бы это ни странно звучало, в подобном подходе и крылась ошибка. Головной воевода, даже существенно уступающим в численности отрядам поляков, дает полноценное сражение, где артиллерия отрабатывает на полную мощность. Расходы ядер, дробы, пороха, колоссальны настолько, что, несмотря на накопленные на складах запасы, уже сейчас приходится экономить.

А нынче, подойдя к Вильно, и сходу взяв небольшие укрепления на подходе к столице Великого княжества Литовского, началась осада большого города. Вильно больше, многолюднее, чем многие русские города, там узкие улочки и много каменных строений. Взятие штурмом такого города возможно и я знаю, что сейчас Скопин готовится именно с мясному штурму. Но при наших больших потерях военная компания может войти в затяжную фазу и превратится в войну ресурсов. Мы потеряем динамику и это может грозить переходом к инициативой к врагу. Подобное было уже в Ливонскую войну Ивана Грозного, моего, получается, официального отца. И в таком противостоянии выиграть можно, в долгую. Однако, затяжной конфликт с Польшей вынудит, пока не так, чтобы решительную Швецию вступить в войну.

Отпив ячменного напитка, напоминавшего дешевый растворимый кофе из будущего, я зарылся в бумаги. Пока прибудет Захарий, надеялся посмотреть и проанализировать отчет Луки.

– Что было бы, если они работали в экселе и пауэр поинте? – причитал я, вникая в огромное количество цифирей и исчислений.

Радовало, конечно, что отчетная документация от ведомства Луки приходит такая скрупулезная, сам настаивал на подобном. Но я и не подозревал, что породил бюрократически-статистического монстра. К такому подходу приложил руку даже сам Иоганн Кеплер, который перепроверял расчеты и подсказывал математические методы вычисления и площади и составлял уравнения. Великий ученый стал своего рода программистом, который создал программу для мозга Луки, ну а тот теперь пользуется «программным обеспечением».

– Вот же паразиты... – усмехался я, когда только окинул взглядом отчет. – Не на то я учился...

Не знаю, как в будущем получали образование студенты-экономисты, но, уверен, что подобный отчет, если туда добавить графики, мог стать вполне сносной дипломной работой.

А насколько я, государь-император, должен быть в теме, если для работы с сельским хозяйством уже используются математические методы анализа и прогнозирования? Думаю, что быть в курсе, в общих чертах, для меня достаточно. Вполне хватит изучения информации после слов «выводы» или «итога».

Итого... Посевная шла в полном разгаре. Перспективы вырисовывались вполне радужные. Был проведен анализ того, как родили культуры на разных почвах. Так, под Суздалем и Ростовом урожайность ржи и ячменя была на процентов двадцать-тридцать больше, чем, к примеру, под Москвой. При этом, в ряде поместий, которые были в государственной, моей, собственности, проводились одинаковые мероприятия, такие же, что и в других регионах. Имелся вывод, суть которого в том, что нечего засорять черноземы Суздаля, Ростова и частью Владимира-на-Клязьме, всякой огородниной из «колумбового списка». Так что картошки там не будет, как и других овощей, но этот регион станет исключительно житницей для центрально-европейской части России.

В то же время эксперименты с посадкой кукурузы севернее Белгорода дали понять, что это дело не имеет перспектив, если только не использовать исключительно для корма животных. Прорастало семян вдвое меньше посаженного, вырастали какие-то кусты, чаще всего вовсе без початков. И почему в покинутом мной мире кукуруза выращивалась повсеместно? Селекция, не иначе, как она на то повлияла.

С подсолнухом так же проблемы. Нет, он растет, более-менее, под Астраханью. Посадили эту культуру и чуть севернее. Но... это красиво и пока не так продуктивно, как ожидалось. Семечки есть, но очень мелкие, хотя, как уверял отчет, прошлогодняя семечка была на семьдесят процентов больше и маслянистее годом раньше.

И тут скроется вопрос... А не накручивают ли мне лапшу за оттопыренные уши? Как они подсчитали в процентах увеличение семечки? Да и маслянистость не так легко определить. Там нужно было бы провести немалое количество экспериментов. Между тем, если в прошлом году подсолнечным маслом был обеспечен Кремль и Патриархия, в эту осень, если все будет так, или рядом с тем, как описано в отчете, часть масла можно продавать в войска и пробовать реализовывать на внутреннем рынке. Пусть малой, пробной партией, но и так можно понять уровень спроса у населения на такую «алию», как многие называют любое жидкое масло.

– Государь-император, прибыл Захарий Петрович Ляпунов. Пускать? – мой мысленный поток прервал Акинфий.

– Пускай! – ответил я, складывая разложенные листы бумаги.

А бумага стала немного, но лучше. До тонких белоснежных листов из будущего далеко, но вполне добротная и не настолько уже и толстая, плотная. Другие листы бумаги берешь в руки и понимаешь, что из одного листа можно было сделать три.

– Государь-император! – Ляпунов зашел в мой кабинет и склонился в поклоне.

– Садись! Докладывай! – я резко сменил настрой на деловой, даже строгий.

По мне нанесли удар, это уже очевидно. При том действовали жестко, не взирая на ситуацию, что многотысячная Москва и ее окрестности могли подвергнуться эпидемии оспы.

Нет, у меня над головой нимб не светится, так же, если считаю нужным, применяю и грязные методы достижения целей. Вот только, никогда в моих целях не значился удар по религии. Ударили же по Троице-Сергиевой лавре. В этом мире религия – очень мягкое место любого народа, это душа, самобытность этноса или народности. Если бы мы начали убивать католических ксензов в Речи Посполитой, то война приобрела бы более угрожающий оттенок и те шляхтичи, кто до сих пор сидят в своих малоземельных фольварках, стали с остервенением резать православных.

Я ждал, пока Ляпунов разложит бумаги. Обычно он обходился «книжицей» – блокнотом. Однако, сегодня, видимо, хотел подкреплять свои слова документами.

– Сие допросные листы, государь-император, – пояснил мне Ляпунов.

– Ответь! Иезуиты, али венецианцы? – нетерпеливо задал я вопрос.

– Амросий из Монеувасии. Это он подстроил. Сам же злодей и представился от оспы, – отвечал Захарий.

– Это тот, что прибыл еще при Годунове? В свите метрополита Иерея? – уточнил я.

– Да, государь-император, – ответил Ляпунов и чуть понурил голову.

– Ты очи не прячь! – грозно потребовал я. – Почему не отработали всех церковников, что некогда прибыли с константинопольским патриархом? Уже был один среди них, что пробовал меня извести. Есть еще те, кто с того времени сели на кормление в России?

Я не кричал, но и такой мой строгий тон мог казаться чуть ли не зловещим. Это от тех людей, что часто кричат и требуют, можно ожидать подобного и при других разговорах. А вот в этом случае, все происходило на контрасте. Ранее я чаще всего говорил с Ляпуновым спокойным, выверенным тоном. Так что понятна была его реакция, когда Захарий стал прятать глаза.

Вообще, получалось так, что с тем константинопольским патриархом, благодаря визиту которого и получилось создать Московскую Патриархию, прибыло весьма немалое количество всякого рода священников. Понятное дело, их тут облагодетельствовали по полной программе «все включено». Почему и не жить! Многие, но далеко не все, после уехали. Причиной бегства стала смена власти и начало Смутного времени. И вот уже два человека, которые готовили диверсии, оказывались из той свиты.

Церковь очень удачная среда для развития шпионской сети. Я, даже как государь-император, имею пока не так, чтобы сильно много возможностей влезать в дела церковные. Поставить в разработку кого из священников, означал очередной, если не конфликт, то сложный разговор с Гермогеном. Его я не подозревал. Наш патриарх не может быть замешан в шпионских делах. При всех прочих, все-таки Гермоген в достаточной мере патриотичен, тем более сейчас, когда готовился Московский Вселенский Православный Собор. Для Гермогена величие России заключалось именно в том, что такой Собор стал вообще возможен. А тут эпидемия. Да патриархи, которые уже должны были выехать в Москву, развернуться на полпути, если бы болезнь распространялась. А еще это сильный и репутационный удар и идеологический. Всегда можно сказать, что Господь не позволил схизматам, то есть православным, принимать какие бы то ни было решения.

– Государь-император, царица не была целью, – после заминки, Ляпунов все-таки начал доклад. – Из допросных листов выходит, что Амвросий сильно переживал из-за будущего Собора. В разговорах он говорил о том, что Московский Собор не может быть признан, а только Константинопольский, случившийся не так давно.

– Османский след? – удивился я.

– Прорабатываем, но скорее иезуиты, – отвечал Ляпунов, пододвигая мне допросные листы и тыча пальцем в нужные места, где было подтверждение слов Захария.

Я так же не особо верил в то, что в деле виднеются османские уши. Еще недавно мы были неинтересны Блистательной Порте. То, что в Москве появились некоторые купцы, вероятно, связанные с османами, знали, контролировали их. Наблюдали и за тем, как они проявляют повышенный интерес ко многим сферам нашей жизни. Но пока эти люди не стали высматривать производства или не появляться в военных городках, пусть смотрят. Султан не может не интересоваться тем, что происходит в государстве, с которым он только что успел повоевать, даже если и всего одним полком.

Что же касается венецианцев, то они, как и в иной истории, проявляют весьма недурственные навыки в диверсионной работе. В другой реальности, когда французам удалось бы выкрасть некоторых мурановских мастеров-зеркальщиков, венецианцы быстро лишили беглецов жизни. Правда, те успели передать тайны своего мастерства, но все равно, факт – предатели убиты.

Тут, в этом времени, когда уже ползли по Европе слухи, что русские много чего стеклянного наизобретали, мы ожидали промышленный шпионаж. Ловили уже англичан, пробовали что-то и голландцы, но их быстро развернули с направления на Гусь. Поймали и немцев из московской немецкой слободы, которых наняли венецианцы. Целью пойманных немчин была

даже не информация, а прямое убийство Якобелло Боровье, однорукого венецианца, который работает на меня. «Гаднольеры» посчитали, что именно он и стал причиной рождения в России стекольного производства.

– Отвечать станем? – спросил я Захария на предмет ответа Венеции.

– Как повелишь, государь, – отвечал Ляпунов.

Я не совсем правильно выразился, так как в вопросе «ответки», я двумя руками «за». Вот только что там, с нашими возможностями?

– Ты это сделаешь? Есть возможности? – поправил я свой вопрос.

– Сжечь? – уточнил Ляпунов.

– Да, но чтобы ничего не показывало на Россию, чужими руками. Можно французами или другими немцами, – сказал я и перешел к другой теме.

Меня сейчас сильно заботило юго-западное направление. Крымское ханство и Османская империя – вот вероятная головная боль. Почему после того, как Крым потерял много воинов в междоусобице, к которой и мы приложили руки, или после разгрома ногайцев, которые не влились в ханство, как это было в иной истории, вообще о нем говорить? Да потому, что сейчас не понятно, как себя поведут османы.

Более интенсивная международная торговля позволяла, кроме очевидных экономических выгод, еще и узнавать многие важные подробности о случившихся событиях. Вот пример... Восстание джелали в османской Анатолии подавлено, курдов присмирили. Что в таком случае нужно думать? Конечно же, что османы освободили свои силы и сейчас способны в более активной внешней политике. Значит, можно ожидать даже атаки.

Такие умозаключения можно сделать, если руководствоваться лишь общими сведениями. Вот только нам стали доступны некоторые подробности. Первое, восстание в Анатолии потушили в большей степени, значит есть еще и малая степень, которая диктует необходимость держать в регионе значительные силы.

Второе, подавление восстания отнюдь не было победоносным шествием, впереди с флагом османской династии. Были бои, кровопролитные, нападения из засад, выстрелы в городских кварталах. Из этого следует, что те войска, которые даже можно выводить из ранее бунтарской Анатолии, требуют пополнений, масштабной перегруппировки. А это год.

Было и третье, о чем сообщил Ляпунов.

– Великий визирь Куюджу Мурад-паша, при скоплении людей, по возвращению из Анатолии, сказал, что настала пора воевать персов, чтобы вернуть все то, что Аббас забрал в последней войне [очередной османо-персидский конфликт в РИ состоялся в 1610 году, не принес существенных результатов, в том числе и из-за неподготовленности османской армии, но Аббас начал выплачивать ежегодную дань османам шелком].

– А вот это важно, – я даже подобрался. – На нас не идут? Зело хорошо, кабы на Персов пошли. Ты тогда еще больше поторгую.

Я знал, что по вопросам геополитики мне лучше обращаться к главе Приказа Иноземных дел, Головину, но не удержался от вопросов. Ляпунов пока не так, чтобы хорошо понимал в хитросплетениях международной политики, но информацию добывать научился, или подобрал таких людей, которые это могут делать. Впрочем, если бы я не получал сведения обо всем, что нужно, то следовало распустить ведомство Захария Петровича, так как оно сжирало очень немалые средства. Благо, Ляпунов не сильно ворует, пока не оброс землями, но все равно тратит много.

– Не могу сказать, государь-император. Нужно дождаться возвращения нашего посольства, – ответил Ляпунов.

Да, посольство. Его можно было назвать «посольством смертников», так как после случившегося у Перекопа, когда османский полк был атакован, моих людей могут незатейливо убить. Отправлять в Константинополь посольство было более чем рискованным мероприятием.

тием, но нужным. Нельзя нам влезать в войну с османами. Пока нельзя. Тут бы с поляками справиться. Нужно чуть умаслить султана и набирающую силу его «ночную кукушку» Кесем. Подарки были знатными, с мехами, хрусталем, с лучшими зеркалами.

Риск был большой. Если посольство вырежут, то я обязан объявлять войну, чтобы сохранить лицо и уважение к себе и с своей державе. Но и тут есть некоторые соображения. В иной истории Сагайдачный взял Требзон, другие города. А что, если в этом варианте замахнуться и на большее? Бить по всем причерноморским городам? А еще воевать с османами рядом с персами. Такая получится прокси-война.

– Будь на стороже! К каждому мастеру-стекольщику или оружейнику приставь человека в охранение! И думай об ответе Венеции! После того, как мы открыто начнем торговать всеми запасами зеркал и иного ценного товара, они пуще прежнего захотят поквитаться, – встав с места, я заканчивал встречу.

Нет, было еще немало вопросов, которые можно обсуждать, но я спешил на тренировку. Более двух недель почти безделья не то, чтобы сильно расслабили, распленили меня, но очень хотелось сбросить лишнюю энергию. Ксения от меня шарахается, ну а состояние организма не настолько критическое, чтобы ловить какую службу и задирасть ей подол. Так что тренировка, после обед, ну и англичан встречать.

Теперь на территории Кремля уже не так часто можно услышать звон стали, звуки борьбы, громкие выкрики инструкторов. Настолько была налажена работа по подготовке телохранителей, что пришлось организовывать отдельные две учебные роты, которые тренируются на базе Преображенского полка. Там и полоса препятствий и чучела для отработки ударов и уколов, полигон, спортивные площадки с брусками и перекладинами, деревянные штанги и гантели, и много чего для кроссфита. Далеко не все после попадают в царские телохранители. Многие уходят в гвардейские части, организовывая там диверсионные группы.

В Кремле похожее оборудование тоже есть, но сейчас телохранители приходят сюда не тренироваться, а выполнять непосредственные функции. Но разве кто-нибудь откажет императору в спарринге и тренировке?

Мои навыки владения шпагой уже вполне себе неплохи. Чуть ранее я вообще думал, что стал мастером, пока не привели одного испанца, спустившего меня с небес на землю. Его «дестреза» оказалась сильнее и ловчее моей. Хотя, кое чем интересным я и этого мастера смог удивить. Ножевой бой имеет немало элементов, которые с небольшой доработкой можно использовать и при фехтовании. Ну а уклоны, реакция, чувство оружия – это очень немало для первоначального освоения шпаги.

А вот с саблей у меня не получается. Нет, я ею владею на более высоком уровне, чем и большинство телохранителей, но не нравится мне сабельный бой. Когда даже с большим упорством делаешь то, что тебе не нравится, ты станешь «уверенным пользователем», но никогда мастером.

На обед Ксения не пришла. Я звал. В корне не понимал, что происходит. Как мне сообщали, она, после того, как болезнь отступила, даже не изъявила желание видеть детей. А Ванька спрашивал о мамке. Надеюсь, что жена перебесится и мне не придется обращать внимание еще и на устройство семейной жизни.

Ну остались на лице оспины, сейчас они смотрятся ужасно, не без этого, но после должны немного сойти. Шрамы останутся, но незначительные. Да и вообще, я, к примеру, от того, как выглядит Ксения, отвращения не чувствую, так... легкий дискомфорт, с которым, впрочем, борюсь. Нужно поговорить с Гермогеном, чтобы прислал царице какого толкового духовника в замен тому, что умер, заразившись оспой одновременно с Ксенией. И не до этого мне вовсе, дел накопилось не много, а очень много. Так что забыть обо всем лишнем и встречать англичан.

Глава 2

Глава 2

Стокгольм

17 мая 1609 года. День.

Шведский риксдаг бурлил. Словно в море, во время сильного ветра, волны негодования накатывались на берег не возмутительности короля. Волна откатывала, король успевал озвучить новый аргумент, как очередная порция бурлящего потока вздымалась и, с пеной на гребне волны, спешила к монарху. Но Карл не боялся воды, как и ветра, он был полон решимости, не менее решительным был риксдаг.

– Вы не обладаете правом объявлять войну! – говорил король [право объявлять войну, или заключать мир у риксдага появится в 1611 году, но это стало результатом роста влияния шведского парламента в предыдущее время].

– Вы не можете вести Швецию к пропасти! – отвечали самые смелые депутаты риксдага.

Шведская казна показывала если не дно, то близко к нему. Немало средств ушло на войну с Речью Посполитой, краткосрочное приобретение русских территорий не принесло обогащение, напротив, затраты только выросли. Разорять обывателей новгородских земель шведы не решились, чтобы не спровоцировать бунты и неповиновение. Тем более, что и статус этих земель был спорный. А вот что пришлось, так это привезти в Новгород зерна. Так что денег ушло много, а требуется еще больше.

– Ваше величество, а вы довольны Штеттинским мирным договором? Не нужно ли сперва забрать у Дании свое, а после смотреть на другие земли? Тем более, когда проблема со шведским престолонаследием решена, – новая волна разбивалась о невозмутимость короля.

Между тем, Карл не мог начать войну без того, чтобы не согласовать ее с риксдагом. Парламент изыскивал средства на вооружение армии, подготавливая именно к войне с Данией. И эти средства король хотел пустить на противостояние в России. Война, которая была с Польшей, ранее считалась войной за само право существования Швеции в том виде, как этого хотели многие подданные короля Карла. Риксдаг в этом сильно поддерживал короля, так как не желал видеть на шведском троне католика Сигизмунда.

Теперь же, с поляками замирение, Сигизмунд отказался от притязаний на шведскую корону. Вот и спрашивали многие депутаты: за что нужно сейчас воевать с Россией, если не решены главные территориальные проблемы? Датчане владеют частью шведских земель. А война с Россией? Если бы поляки выигрывали ее, то, да – был бы резон оторвать кусочек. А так...

– Ваше величество, вы же понимаете, что как только мы начнем войну против России, они заключат мирный договор с Польшей? Сигизмунд жаждет закончить эту проигрышную войну с царем. Русские под Вильно! Мы их ждем в Нарве? Поэтому нужна война? Где Делагарди? – выкрикивал еще один депутат.

Карл улынулся. Вот он, его аргумент.

– Русские вероломно напали на генерала Делагарди, морили шведских солдат голодом, наши войска разоружили. Это прощать будем? – выкрикнул король.

– Мы знаем, что русские просили уйти Делагарди. Мы можем с ними заключить мир и направить всю свою мощь на Данию, – высказался депутат Калле Хольмберг.

Это был один из двух членов риксдага, кого удалось «прикормить» Семену Петровичу Головину. Подкуп произошел еще раньше, когда русско-шведские отношения были на грани союза. Депутат до сегодняшнего дня открыто никогда не говорил, но сейчас, когда Россия

выглядит грозным соседом, Хольберг посчитал, что можно пробовать создать прорусскую партию. Естественно, он думал лично возглавить такую политическую силу, получая из России существенные выплаты, а так же право участвовать в торговых отношениях между странами на льготных условиях.

– Послушайте, что именно из себя представляет русская армия! – призвал король депутатов риксдага к порядку, заинтересовал важной информацией, и наступил штиль.

Море перестало бурлить, люди замолчали. Всем было интересно услышать о русской армии, как и посмотреть на того, кто о новых войсках соседей может рассказать хоть что-то вразумительное. Шведы не понимали, почему русские, которые еще недавно были биты даже не регулярными коронными войсками, а шляхетскими отрядами, вдруг, превратились в грозную силу.

К депутатам шведского риксдага вышел недавно ставший шведским дворянином, перебежчик и предатель Михаил Фуникович Клементьев, ставший уже сейчас подданным шведского короля Михаэлем Клементеф [в РИ сбежал к шведам в 1610 году, при этом сдал русского агента в шведском войске].

При помощи переводчика, бывший подданный русского государя-императора, стал говорить. Целью короля было показать, что русская армия слаба, она мало насыщена полками нового строя, а та поместная конница, которая была ядром русской кавалерии, так и вовсе не заслуживает внимания.

Ожидаемого эффекта от той информации, которую довел до риксдага перебежчик, не случилось. Пусть многие депутаты и хотели полакомиться русскими трофеями, но в преддверье войны с Данией, никто не желал дразнить медведя. Кроме того, коллективный разум риксдага почувствовал слабость монархии, а, следовательно, возможность усилиться, поэтому сдавать позиции Карлу не намерен.

Клементьев, между тем, рассказал не то, что от него ждали. Он и сам лишь смутно знал о полках нового строя, только то, о чем ходили слухи и со слов бывших товарищей. Ранее русский дворянин, делал упор в своем докладе на то, что русские перенимают тактику и стратегию от поляков, ну и польстил шведам, когда рассказывал, что русских учат воевать по-шведски. Михаэль очень хотел быть полезным новым соплеменникам.

– Ваше величество, мы ждем быструю, победоносную войну с Данией и после приложим все усилия для ослабления России, – сделал заключение спикер риксдага.

Карл был недовольным, но не так, чтобы внутри его бушевали эмоции. Дания пока, она главный враг. Ну а то, что датские проливы, вдруг, оказываются гостеприимными для англичан, пусть они и союзники Швеции, не самый лучший знак. Необходимо забирать свои земли, как и норвежские. Тогда, может быть, и получится самим контролировать часть проливов.

– Тогда нужны новые налоги и пополнение казны, – продолжал торговаться Карл.

Шведский король решил, что можно ведь быстро победить Данию, а после, сразу же, этим же опытным войском, идти на московитов.

.....

Москва

17 мая 1609 года. Вечер

Джон Мерик за год раздобыл, нарастил щеки, добавил объема животу. Это признак умеренной жизни, значит, наши отношения столь стабильны и системны, что не требуют участия посла, и он чаще отдыхает. Ну или Мерик на все забил болт. Хотя, вряд ли.

А еще, его, казалось, не вызывающее яркостью, платье, стоило больше, чем мой наряд со всеми серебряными вышивками. Еще бы! Нынче он глава Московской торговой компании

и имеет пятнадцать процентов акций этой компании. К слову, удалось и мне войти в состав акционеров. Правда, изрядно потратился, так как акции Московской компании стали резко расти в цене. Вышло урвать только тридцать три процента.

Для того, чтобы мне стать акционером, одному человечку в Англии пришлось стать английским бароном и номинально подданным английского короля. Это был Истома Иванович Комарин, сын одного из купцов, с которыми сотрудничают государственные предприятия. Ушлый малый, большие надежды возлагаю на него. Думаю туда послать еще в помощь одного еврея, что прибыл в Москву с желанием вести дела. Как по дороге его не прибили? Евреев тут не любят, они... Христа распяли.

– Ваше Императорское Величество, – Джон Мерик исполнил поклон «в русском» стиле, сгибая спину.

– Твой русский язык, Джон, стал еще лучше. Подумай, может, перейдешь в мое подданство! – сказал я и улыбнулся англичанину.

– Ваше Величество, мой король и так говорит в том, что я не ему служу, а вам. Не хотелось бы, чтобы в моей верности сомневались. Такие деньги, что мы вместе с вами можем заработать, и так будут сводить с ума многих английских аристократов, – сказал Мерик, отзеркалив мне улыбку.

Мне хотелось высказать англичанину, чтобы тот сбил свою спесь и не ставил свое имя на один уровень с моим царским, но посчитал, что это может навредить разговору.

– Джон, ты привез мне отчет о работе компании? Как один из акционеров, я имею право требовать. Тем более, как государь, от которого зависит само существование Московской компании, – сказал я.

Английский посол мог возразить, что официально я не числюсь в акционерах, но он был умным человеком и все прекрасно понимал. Этого разговора Джон ждал явно давно, он уже неоднократно просил разрешения на то, чтобы началась свободная продажа русских стеклянных и хрустальных изделий. До этого англичанам продавались лишь штучные экземпляры наших высокотехнологичных товаров, скорее, чтобы подпитать интерес, но никак не насытить спрос.

– Скажи Мерик, сколько кораблей в этом году придут в Архангельск? – спросил я.

– Много, Ваше Величество, – отвечал Мерик, и мне показалось, что он говорил с некоторой грустью.

– Разве же это грустная новость? – спросил я, недоумевая, от чего расстроился английский собеседник.

– Не это, государь-император, грустно, а то, что много кораблей будет не только из Англии, но и гезы [голландцы] приплывут. Твои послы в Европе пригласили и французов и даже из Бремена корабли будут, – Мерик развел руками. – Я понимаю, Ваше Величество, что Россия может продать многое, но хватил ли на всех товаров. Могу ли я просить, чтобы Московская компания первой скупала товары? Там же и Ваша доля.

Отлично. Вот что конкуренция животворящая делает! Английский посол и торговец не просит о новых преференциях, даже не тыкает под нос помощью, заключающейся в договоренностях с Данией, чтобы та пропустила корабли с наемниками в Ригу. А лишь о первоочередной покупке наших товаров. Но хорошо работает разведка в Англии. Знают они и про французов и даже о Бремене, который пришлет свой корабль, или два.

– Скажи, Джон, а что происходит со строительством наших кораблей? Два своих судна с наших верфей вы забираете в этом году. А наши стоят голые, недоработанные? – ответил я вопросом на вопрос, но в этих словах, на самом деле, и крылся ответ.

Они хотят приоритет в торговле? Хорошо! Таких договоров, как с Англией, у нас нет ни с кем. Но нужно же выполнять все обязательства, что прописаны в договорах, а не только ждать от нас строго следования букве соглашений. Наши два корабля, которые были построены

английскими кораблями, стоят без такелажа, пушки на них не прибыли. Пока артиллерию на корабли ставим английскую, но уже работаем над корабельными пушками в Пушкарской избе. А те английские, что построены на наши же деньги, с нашего леса, с русскими парусами и канатами, уже готовы в августе отправиться на Туманный Альбион, или еще куда подальше, к Новому Свету.

– Рига, государь-император, – нехотя, кратко, но высказал претензию Мерик.

Это он так выложил свой главный козырь. Мол, мы же с Ригой помогли, так чего уж там вообще какие-либо претензии выставять. А сколько я дал денег на то, чтобы такая операция случилась? И сколько сейчас преференций у Англии? То-то, я все равно переплачиваю.

– За то, что помогли переправить наемников в Ригу, спасибо тебе и венценосному моему брату Якову, – сказал я и выждал паузу, пусть понервничает, что одним «спасибо» отделяюсь. – Не хмурься, Джон, я свои обещания ценю, русский государь говорит и делает. Так что будет тебе, а вместе с тобой и мне, как пайщику в компании, иные условия. Часть зеркал и других товаров купишь без наценки. Есть у меня еще персидские шелка и ковры.

В глазах Мерика загорелись огоньки. К зеркалам он был готов, а вот то, что персидские ковры, да шелка будут – это притягательный бонус. Англичане знают, что такое персидские ковры, как и персидский шелк. Но он у них не дорогой, он почти недоступный. Все, что прибывает в Англию из Персии, скупается, за дорого, сразу и только «своими».

– Но... Корабли должны быть достроены и есть еще два условия, – огонь в глазах посла чуть потускнел. – Слышал я, что Лондонская Виргинская компания, как и Плимутская компания, закупают в Венеции немалое число стеклянных бус. Так что, Джон, жду, что ты им продашь наши бусы, русские. Они не хуже, для индейцев в Америке вполне зайдут. И второе условие, – чтобы ты уговорил короля, брата моего венценосного, чтобы тот дозволил открыть Русский дом и торговать в Лондоне. Ты, посол, разумный человек, объяснишь, что теми двумя кораблями, что у нас есть, много не наторгует.

А сам про себя подумал, что лиха беда начала. Пусть один кораблик, груженный нашим эксклюзивом, прибудет в Лондон, пока, один. Мы построим флот, и можно будет хоть и десятью кораблями плавать к англичанам, да торговать.

А флоту быть! На следующий год планируется открытие двух верфей: одна в Воронеже, другая все в том же Архангельске, бывших Новых Холмогорах. Мало того, что некоторые русские мастера поднабрались опыта на английских верфях, так получилось нанять еще и иностранцев. Немало тех же старших моряков, которые пребывали с англичанами в Архангельск, вполне умелые работники на верфях, ну а корабелов с миру по сосенке собрали. На то и расчет был, чтобы на английских верфях растить своих специалистов. Мало того, я планирую отправлять на верфи не менее двух учеников, что разбираются в математике. Надеюсь, что получится строить не по наитию и «на глаз», а по стандарту, или рядом с ним.

Не то, чтобы так сильно я рвусь в мировой океан, нам бы Сибирь с Дальним востоком освоить, прежде, чем тратить ресурсы на пока не особо выгодные заморские колонии. Что там, в Заморье, будет сейчас выгодно? Драгметаллы подмяла Испания, воевать с которой на море сложно даже англичанам с голландцами. Сахарный тростник в центральной Америке пока не особо производят, чтобы обогащаться на сахаре. Калифорнийское золото? Так до туда еще и близко не дошли, в ближайшие лет сто пятьдесят не доберутся.

Это в Европе существуют демографические проблемы, нищета, религиозные гонения. Они ищут, куда бы удрать со Старого света. А российская империя велика. Здесь людишек не хватает, чтобы еще куда-то за моря плавать. Я вот думаю, как бы налаживать потоки переселенцев к нам, а не то, чтобы людей отправлять в Америки.

– А хватит ли, Государь, товаров на всех? – с прищуром в глазах спросил Мерик.

Вообще обрусел англичанин. Повадки и мимика у него уж больно схожи с той, как у купчин, да дворян русских.

Я задумался, на счет того, хватит ли товаров. Если, к примеру, грузить на корабли только зеркала, то, конечно же, этих зеркал не хватит, так как кораблей будут десятки. Уж больно мы в Европе пошумели своим вызовом нарушить монополию Венеции. Но, если же взять хотя бы половину из всех тех товаров, которые мы можем продать, то это кораблей сто под полную загрузку. Или многим больше. Смотря на каких корытах приплывут к нам представители «загнивающего Запада». Когда уже этот Запад загниет?..

– Так что, Мерик, условия мои выполнишь? – спросил я после затянувшейся паузы. – А то, сколь много товара спрашиваешь, а о ответе на мои вопросы забываешь.

– Все сделаю, Государь-император, насколько сил хватит, да милости короля Якова, все сделаю.

– Скажи, Джон, а в Ригу корабли придут? – здесь уже хитрый прищур появился у меня.

Мерик не спешил с ответом, и я понимал, почему. Приход в Ригу английских кораблей – это очень серьезный, прежде всего, политический шаг. Пока нет мирного соглашения Речью Посполитой, ляхи будут всячески противиться такому шагу. Свое негодование поспешит выказывать и Швеция, которая отнюдь не в восторге, что английские корабли помогают русским, то есть мне, нанимать воинов в Европе.

– Государь-император, сложно там будет торговать. Мир нужен со всеми. Так что того обещать не могу, что английские корабли придут в Ригу. Датчане и шведы не сильно жалуют, что в их море иные ходят, осторожно, выверено отвечал Мерик.

– А я вот возьму, да зеркалами и мехом будут торговать только в Риге, – сказал я и чуть сдержался от смеха. – Не сделаю я так, Джон. Но будет мир, так жду корабли и в Риге также. Думаю еще на Неве воском да медом торговать, туда перенести и торг пенькой. Коли так далее пойдет, то и Архангельска одного будет мало для всей торговли.

Воска и меда становится не много, а очень много. С каждым годом множатся ульи. Теперь их число уже четырехзначное. При этом, на такой прогрессивный способ производства пчелиных продуктов, переходят не только на государевых землях. В этом году запускаются еще два свечных завода, которые должны покрыть потребности церквей в центрально-европейской части империи. И я хотел бы торговать не просто воском, а уже свечами.

В завершении своего разговора с Мерику, я рассказал, что в Москве, в середине августа, когда должен уже пройти Вселенский Собор, будут аукционы. Можно такое мероприятие назвать и биржей, но временной. Там, лотами, мелкими партиями, будут торговаться некоторые товары с высокой наценкой. Те же предметы роскоши из хрусталя, некоторые, особо драгоценные, зеркала, шелк, ценные меха. Пусть Джон и возмутился таким подходом, но не так, чтобы сильно. Все же первоначально он получит товары по привычным и отработанным схемам торговли.

Можно было пригласить Джона Мерику на ужин, но он не единственный, кого я сегодня принимал. Прибыл и представитель Голландцев. Соединенные провинции прислали весьма прожженного персонажа – Герарда Рейнста. Отличный противовес Мерику, если Англия и Голландия начнут все же всерьез конкурировать на русском рынке.

Эти переговоры шли уже с переводчиком, хотя приветствие Рейнстом было сказано на русском языке. Высокий, подтянутый голландец, держался стойко и на грани, чтобы не обвинять его в высокомерии.

– Сколько зерна нам продаст Ваше Величество? – прозвучал первый вопрос от Герарда Рейнста.

Признаться, я немного растерялся. Тут товары с высокой прибавочной стоимостью, а он зерно. Мы уж два года не продаем, или почти не продаем, зерно, сами насыщаемся.

– А почему вас не интересуют зеркала, или русские канаты? Лучшие в мире? – спросил я.

– Ваше Величество, все интересуется, это так. Только зерно больше. Торгуя с вашей страной, мы рискуем потерять такого продавца зерна, как Речь Посполитая. Да и в условиях войны,

они меньше продадут. Нас беспокоит продовольственная безопасность, – отвечал суровый, аскетично выглядящий, лишь с дорогими кружевными манжетами, голландец [Голландия была одним из важных партнеров Речи Посполитой. В Амстердаме, как и других городах, всегда было много купленного зерна, потому в Голландии практически не было голода, и они мало зависели от урожаев].

Пришлось задуматься. Мы осваивали все больше площадей, зерна себе на прокорм хватает, не все съели за зиму, а государевы хранилища и вовсе не распечатывались. Но страх перед голодом, сильно довлел. Я бы хотел продавать зерно, при этом и в Персию и в Европу, но пока я готовился в будущему глобальному европейскому конфликту. Что-то вроде Тридцатилетней войны, будет, без нее европейцы не договорятся о своих религиозных предпочтениях, ну и других, экономических и территориальных проблемах.

– Будем видеть по урожаю. Пока я смогу продать немного, – неуверенно отвечал я, так как, действительно, не знал, сколько пудов зерна можем продать.

– Я привез вам, ваше величество, пять десятков испанских овец... – сказал Рейнст и стал ожидать моей реакции.

А мне что? Прыгать до потолка? Привез и ладно. Не так, чтобы критично, но, конечно же, нужны. В Самаре уже живут-поживают почти три десятка испанских тонкошерстных овец и, конечно же, с надеждой на их размножение. Будет больше. Все равно для производства шерсти этого мало, очень мало. Если только для меня изготавливать эту ткань. Но хотелось бы осваиваться в текстильном бизнесе. Две составляющей рывка Англии на пути великой империи – металлургия с углем и текстильная промышленность. И то и другое можно наладить и в России.

А еще голландец привез селедку. Вот же торгаши! И тут свою рыбу всучить хотят. И ведь придется купить. А им продать нашу селедку, из Астрахани. Никакого секрета в засолке сельди нет, для меня нет. А вот для остальных – имеется. Бери, укладывай рыбу плотными слоями в бочку, да каждый слой соли. И это приносило Голландии немалые средства, а некоторые историки считают селедку одной из причин возвышения этой страны.

Большого смысла разговаривать с Рейнстом, на самом деле, не было. Они не были заинтересованы в углублении связей, пока прицениваются, смотрят. Строить для нас корабли не будут, да и я сам не горю желанием больше заключать таких договоренностей, как с Англией. Слишком накладно строить для них корабли, чтобы заполучить один из трех себе. Как вынужденная мера, подобное перестает быть актуальным. Вот только существующие два построят и еще два, тогда все, дальше сами.

От голландцев же я хотел их пилораму. Чтобы построили у нас такие же. Читал, или смотрел, в будущем, что именно такое изобретение позволило гезам штамповать корабли. Как она выглядит, не знаю. Но, скоро узнаю, так как Рейнст согласился на то, с его родины придут специалисты, которые за наши деньги поставят нам несколько таких пилорам.

Спать отправился к жене. Видимо, не так сильно устал, что решил еще на ночь глядя понервничать.

– Уйти, Богом прошу! – со слезами на глазах просила Ксения.

– Что дальше, Ксения? – спрашивал я. – Как жить будем?

– Я... – она замялась. – В монастырь уйду!

– Дура! – заорал я. – Детей оставишь? Да что случилось-то? Оспины на лице? Руки, ноги целы, ты теперь здоровая женщина. Мать. Жена. Прогонишь сейчас, не скоро приду!

– Уйди! – сказала Ксения.

И я пошел. Насильно мил не будешь. Что мог для сохранения семьи, я сделал.

– Царицу никуда не выпускать! Детей ей не давать! – приказывал я командиру телохранителей Ксении. – Попробуй послушаться, пойдешь говно месить на конюшню... на одной ноге!

Пусть посидит и подумает над всем. Я многое сделал, но не нянька. Отвергают, значит мне не нужно такое общение.

Проходя мимо кухни, я увидел одну миловидную женщину.

– Ты мужняя? – задал я вопрос.

– Нет государь! Ефросинья не берет на столование мужних, – потупила взор женщина.

– Жених есть? – последовал следующий вопрос.

– Нет, государь, – отвечала она.

Я взял за руку женщину и потащил к себе в почивальню. Впрочем, слово «потащил» не особо подходит, девушка шла вполне добровольно, иногда даже на шаг опережая меня. Я же шел мстить жене. Да, вот так! Я пожертвовал государством ради нее, а она не оценила. В монастырь? Никаких монастырей! Хватит мне быть отцом-одиночкой, в прошлой жизни наелся этим.

Пусть на утро я был себе неприятен, понимал, о наличии есть вероятности, что Агрипине, так звали девушку, вовсе сломал жизнь. Но теперь я чувствовал себя мужиком, а не обиженной. Однако, в монастырь Ксению не отпущу. Нужно только, чтобы до Гермогена не дошли вести, что я не отпускаю жену в обитель. Этот может и вступить. Тогда в топку Гермогена!

Глава 3

Глава 3

Москва

18 мая 1609 года.

– Вжух! Дзынь! Вшух! – раздавались звуки на спортивной площадке у кремлевских конюшен.

Уже больше часа я, с испанцем Рамоном Ортис де Отеро, спаррингуюсь на шпагах. Идальго хорош! Очень! Он не мастер, он творец! Казалось, уже понятна картина боя, стиль, а он кардинально все меняет. Только что был виртуозом, с множеством финтом, как, вдруг, меняет тактику, и Рамон уже более груб и рационален в каждом движении. И можно говорить, что так не бывает, что мышцы, связки, наработки и ум человека должны следовать некой системе, определенной школе фехтования. Вот только, Рамон показывал, что все невозможное, возможно. Пока это лучший мой партнер по бою на шпагах.

И что радует, если раньше, когда Ортис де Отеро появился в Кремле и его сразу же показали мне, я неизменно проигрывал испанцу, то сейчас я даю бой. Да, черт его подери! Он все еще сильнее меня и я вижу, порой, чувствую, что мне чуточку, но поддаются, но в одну калитку уже не получается, действенное сопротивление оказываю.

Мы отрабатывали, казалось, в безлюдном месте, на небольшой площадке для фехтования, только в присутствии переводчика. Но это лишь казалось. На самом деле я ощущал немалое количество любопытных глаз, со всех уголков подсматривающих за спектаклем.

– Ты влюбился, Рамон? – спрашивал я у испанца, парируя его ленивый выпад.

Ленивым выпад был лишь с виду, на самом деле, это хитрый с доработкой кисти и стремлением уколоть мою опорную ногу, финт.

– С чего Вы взяли, Ваше Величество? – спрашивал испанец, уже сам перейдя в оборону и отводя мой затупленный клинок от своей груди.

– Много сегодня ошибок совершаешь! Она на тебя смотрит? – выводил я из душевного равновесия Рамона.

Испанец на мгновение замялся, потерял концентрацию и...

– Есть! – возрадовался я, будто ребенок.

Мне удалось провести хитроумную атаку с раскачиваем испанца и резкой сменой удара шпагой. Будь мы не в защите, или, хотя бы с заточенными клинками, то Рамон лишился кисти правой руки. А это что ни на есть – поражение. И хочется верить, что удачная атака произошла отнюдь не из-за того, что испанец отвлекся.

– Ваше Величество, Ваше мастерство растет изо дня в день! – в поддельным восхищением отвесил мне комплимент идальго.

– Ты мне зубы не заговаривай, Рамон, уговор!... – я усмехнулся.

Переводчику не сразу удалось объяснить идиому про зубы и заговор, но когда испанец все понял, настроение его потускнело.

– Прежде, чем я выполню уговор, могу ли задать вопрос Вашему Величеству? – спросил с хитрым прищуром испанец.

Я кивнул.

– А, если бы я одолел Вас? Вы выполнили бы условие? – спросил Ортис де Отеро.

– Нет, конечно! – усмехнулся я. – Какой правитель станет кукарекать на одной ноге? Но, поверь, Рамон, мои отступные тебе бы понравились.

– Сто рублей? – спросил с надеждой идалго, видимо, уже планируя в будущем страсти с меня немало ценностей.

– Ну? – деланно возмутился я. – Не так много! Но... думаю, договорились бы. Если тебе платить по сто рублей за каждый мой проигрыш, то никакой казны не хватит.

– Но тогда Вы бы, Ваше Величество, дрались в полную силу, а не поддавались мне... Чтобы не разорить свою державу, – Рамон, явно искушенный интригами мадридского двора, нашел место для лести.

– Я жду! – усмехнулся я, не привыкший к таким словесным кружевам, какие плетет испанский идалго.

Рамон стал на правую ногу, левую поджал, поднял голову к небу и изрек:

– Ку-ка-ре-ку!

Где-то, чуть в стороне, там, где расцветала сирень, послышался сдержанный девичий смех, в унисон с мужским скупым «хе-хе».

– Решу театр образовать возьму тебя актером! – сквозь свой смех, сказал я.

Идалго Рамон Ортис де Отеро насупился. Ну, да! Актеры не в чести, они лицедеи и кривляки, и кабальеро не пристало таким заниматься.

– Раздели со мной завтрак, Рамон! – пригласил я испанца.

– Сочту за честь, Ваше Величество! – после некоторой паузы, сказал идалго.

Все во дворце знали, что я всегда, если выпадала такая возможность, завтракал, обедал, и уж точно, ужинал, с женой. Это была такая уже традиция. Наверняка, знал об этом и Рамон, именно такими знаниями можно было объяснить смятение и паузу испанца перед принятием приглашения.

Скрывать свои ухудшающиеся отношения с Ксенией Борисовной не было смысла. Так, или иначе, но новости просочатся. Так что позавтракаю с испанцем, может своими разговорами тот меня немного развлечет перед важнейшими встречами сегодняшнего дня.

– Итак, идалго Рамон Ортис де Отеро, скажи мне! А что ты забыл в России? Уверен, что при любом дворе такой фехтовальщик и образованный человек будет к месту. Почему не в Мадриде, или Париже? – задал я главный вопрос, когда мы с испанцем уже немного перекусили.

Рамона проверяли. Очень тщательно. К нему и сейчас приставлена слежка и отслеживаются все контакты, как и действия испанца. Нельзя было подпустить ко мне такого мастера фехтования, без, конечно, соответствующей уверенности, что он не какой-нибудь иезуит или наемник, как тот «капитан Алатристе», о котором получилось прочесть в будущем. При этом все повадки, образ жизни, говорили, что передо мной мужчина, который многое испытал, но проверку интригами прошел. Слова подбирает исключительно правильные, в меру льстивые, использует яркие образы. Одевается не вычурно, но неизменно богато. Имеет, значит, средства. Не идет на официальную службу. Не шел, пока не стал моим инструктором по фехтованию на шпагах.

– Если я отвечу, что заинтересовался Вашей страной, это будет сочтено за ложь? – ответил вопросом на вопрос Рамон.

– Не выкручивайся! – чуть строго потребовал я.

– Франциско Фернандес де ла Куэва и Куэва, герцог, я ему причинил обиду, – чуть понурился говорил мужчина.

– Де ла Куэва и Куэва... Это Куэво, что ты ему учинил обиду, – я улыбнулся.

– Простите, Ваше Величество? – недоуменно переспрашивал идалго.

То, с каким смыслом я полоскал фамилию испанского гранда герцога де Куэва, было не понято ни переводчиком, ни, тем более, испанцем.

– Плохо это. Женщина всему виной? – спросил я, а тридцатитрехлетний воин-ветеран горделиво приподнял подбородок, будто собирался защищать свою даму сердца.

– Да, государь-император, – отвечал Рамон и было в этих словах тоска и грусть. – Молодая жена герцога – Анне Мария.

– Вот это да! – я усмехнулся. – А ты еще тот ходок! А почему в Россию? Я так и не понял. Наступила пауза. Было видно, что идадьго думает, что именно говорить.

– Куэва имел обширные связи в инквизиции и в Ордене Иезуитов. В любой стране, где преобладают католики, меня могли найти. К еретикам-реформистам я, как истинный католик, сам не пойду. Да и там иезуиты есть, – отвечал испанец.

– А у нас, стало быть, их нет? – вот теперь заинтересовался я, как государь.

– Думаю, что нет. Их легата вы убили, – задумчиво сказал Рамон.

– И еще. Неужели только из-за того, что ты поднял подол... м-м... полюбил жену герцога, он будет использовать все свои связи и тем самым позориться? – не унимался я с вопросами, интересно же, как так живут в Гишпании, в период ее максимального расцвета, как там Веласкес, может привет ему передать, или вовсе выкрасть?

– Меня хотели убить, но я сам упокоил убийц. Так вышло, что среди тех, кто обнажил рапиру, был брат герцога и несколько верных ему людей. Он умел ценить своих исполнителей. Когда я служил ему, то, все было и деньги и жилье и женщины под вино. А еще... – Рамон посмотрел на меня. – Я хочу быть предельно честным. Я украл у герцога изрядное количество дублонов.

– Не перестаешь удивлять! – задумался я.

А нужен ли мне рядом с собой такой персонаж, будь он трижды мастером фехтования? Нет, за то, что Рамон совратит Ксению, я не верил... Да? Точно не верю? Ладно, о глупостях забыть! А вот о том, что он своего господина обокрал, вот это больше меня волновало.

– Это была компенсация за всю мою работу. Куэва не заплатил мне за последнее дело, – оправдывался испанец. – Я... бретер, Ваше Величество. Был бретером на службе у герцога.

– А это интересно... – я задумался.

Были в школе телохранителей два инструктора по шпажному бою. Один немец, другой француз. Это они готовили людей для посольств. Эта мода на дуэли в Европе, с особым желанием проткнуть «восточного варвара», уже не мало принесла проблем. А Рамон силен в этом. Так что нужно еще с месяц с ним позаниматься, а после отправить готовить телохранителей для сотрудников посольств.

– Ты мне вот что скажи! А есть ли у тебя сомнительные связи с сомнительными людьми, но чтобы у них были корабли? – спросил я.

– За деньги найдутся всякие, – опасливо отвечал идадьго.

Я предлагал испанцу попробовать провернуть дельце с испанскими овцами. Сколько их в России? Сто пятьдесят? А сколько сдохнет, пока не станет понятно, как за ними правильно ухаживать? Наверняка, животные изнежились под испанским солнцем, не факт, что им сильно понравится у нас. А я хотел не позднее, чем через пять лет выйти на более-менее промышленное производство шерстяных тканей. Все для этого есть, даже механизмы, а шерсти хорошей очень мало, и кочевники, на которых возлагал надежды на поставки шерсти, пока, не оправдывают ожиданий.

– Я подготовлю письма и контакты, но сам, государь-император... если прикажешь, то поеду, но... – никогда не видел Рамон боязливым и вот опять.

– Подумай, как все сладить. А кому ехать, то не твоя забота! – сказал я, отпивая ароматного чая.

Через час к Красному крыльцу прибывали кареты русской выделки. Кто из бояр был в городе, должны были присутствовать на спектаклях. Да, Боярская дума оказывалась в крайне сжатом составе, однако, лучше так, чтобы бояре делом занимались, а не пролежни зарабатывались, отлеживаясь в своих усадьбах.

Такой психологический прием, когда встречаются одного человека множеством людей, всегда дает свои плоды. И я не хотел, чтобы некоторые личности, как я понимал, весьма сильные, пробовали меня продавливать.

Принимать и Петра Кононовича Сагайдачного, а может и Коношевича, я собирался официально и почти что как дружественного монарха. Подарочки приготовил, да усадьбу ему выделили из тех, что в царском «жилищном фонде». На полном обеспечении будет кошевой атаман, стремящийся стать гетманом Войска Запорожского, а мечтающий быть правителем всех земель ниже днепровских порогов.

С Тохтамышем будет примерно так же, только тут полное признание его, как хана, почти равного мне в своем статусе. Именно так, он мне уже не ровня, а еще какие-то месяцы назад официально получалось, что это я был чуть ли не его вассалом. Поминки – это не столько дань Крыму, сколько унижение России. Так что назову того братом, но он будет стоять, а я сидеть.

– Дмитрий Михайлович, рад тебя видеть, – приветствовал я Пожарского, вопреки традициям, встречая бояр у Красного крыльца.

Нет, не правильно выразился, я их не встречал, я с ними встретился, так как сам только пришел и еще не облачился в свой «царский скафандр». Вот оно, самое неприятное, облачаться в тяжеленные одежды и брать все атрибуты. Всякие бармы, скипетры с державами, теплую шапку. Не так, чтобы тяжело носить все это, но громоздко и неудобно. Одежда и атрибуты власти находились в небольшой комнате рядом с самым большим залом в России.

Строится мой дворец, в не совсем свойственном для России барокко, но, все же строение несколько стилизовано под русский стиль. Может и получится химера некрасивая, но на чертежах и рисунках, вполне интересно получается, мне нравится. Думал построить до лета. Но... я предполагаю, а Господь располагает. Однако, главное, что строится. И через полгода, как обещает очередной архитектор, итальянец Джовани Батиста Монтано, можно одно крыло дворца сделать жилым. А пока я не могу выполнить обещание патриарху, что Кремль останется за церковью.

– Государь-император, сегодня и прибыл, вот сразу сюда, – говорил Пожарский.

Было видно, что князь устал. Ну так главный удар поляков выдержал, да так, что теперь строятся планы взять все южные малороссийские города, кроме, может только Львова. Там, во-первых сильная крепость, ну и нет у меня планов уничтожить Речь Посполитую. Сильно это большой кусок, подавиться можно.

Да и кого брать? Все города разорены, все, что можно, было взято. В Остроге, как оказывалось, была очень приличная школа, некоторые называли ее «академией» и все ее наставники сейчас в Серпухове. Пришлось многих людей выкупать у калмыков. Житомир там же, другие города, во всех этих местах хватало ремесленников, которые нынче получают шанс остаться на Руси, или отправиться покорять Дальний Восток.

Несмотря на все сложности и трудности, в тех подсчетах, которые можно было бы назвать «бюджетом», на освоение Восточной Сибири заложено двести тысяч рублей. Из этих денег более ста тысяч пойдет на помощь и усиление уже имеющихся поселений. Ну, а другие сто тысяч – на основание новых форт-постов русского государства.

Через сорок минут началась официальная часть встречи кошевого атамана запорожского войска, ну, или кого-то большего, если Петро Кононович того захочет.

– Гетман земель войска запорожского, Петр Кононович Сагайдачный, – именно здесь под сводами Грановитой палаты впервые прозвучало то, о чем, наверняка, мечтал православный шляхтич, ставший кошевым атаманом на Сечи.

Подобный спектакль, то есть его первое действие, было призвано, во-первых, ошеломить Сагайдачного, во-вторых, потешить его самолюбие. Получается, что до конца даже непринятого всеми казаками человека, принимают как полноценного правителя. И это происходит в

Грановитой палате, в присутствии уважаемых людей, а не где-то в закоулках. И я официально одет со всеми державными прибабасами. Все серьезно.

Можно и не проводить дальше никаких переговоров. Сагайдачному достаточно сказать «да» или «нет». Такой прием красноречивее любых слов заявляет позицию России.

– Государь-император, – обратился ко мне Сагайдачный с изрядной озадаченностью в глазах.

– Рад, гетман, что ты решил посетить меня, – сказал я.

Петр Сагайдачный осмотрел присутствующих. Заострил свой взгляд на князе Пожарском. Наверняка, за порогами уже знают о большой победе, которую одержал воевода Пожарский. Безусловно, данный факт оказал немалое влияние на казацкое мнение. Как и то, что рядом с условно их землями воюют большие отряды кочевников.

Казаки они, конечно, вольные люди. Вот только, промышленность у них если и есть, то крайне кустарная, а жить лишь с одних набегов не так, чтобы и легко. Нужен порох, пушки, ядра – без этого сложно казаку. Кто сейчас им это продаст? Король Сигизмунд? Вишневецкие? То-то и оно, не продадут. А еще нужны инструменты, гвозди, канаты, да много чего, чтобы построить множество чаек для дальнейших набегов. Не знаю, может, это все и есть за порогами, но без внешней помощи явно не обходится.

– Государь, ты назвал меня гетманом. Что сие значит? Коли гетман как голова над войском, на это и кошевой атаман есть. Ежели гетман... – Сагайдачный искал нужные слова, а я решил его перебить, чтобы сразу расставить все точки над i.

– Я хочу видеть землю запорожского войска с Черкасами, Сечью дружественной России и под твоим управлением, – сказал я.

– Государь, только дружественную? – спросил Сагайдачный, его глаза заблестели.

Этот человек хочет власти, полной, безоговорочной. И, конечно же, он недоумевает, почему в таких условиях, которые складываются с Речью Посполитой, Крымом, я не требую верноподданничества.

– Что будет внутри твоих земель, то дело твое. Главное, чтобы казаки были православными и людоловством не занимались. Но, коли скажу, сколько и куда направить войска, то сделаешь, не сомневаясь и не спрашивая, – сказал я и взял паузу, предлагая Сагайдачному обдумать все сказанное.

Впрочем, это далеко не все, что я хотел ему предложить. Я хотел перекупить польский реестр. В том смысле, что реестровых казаков поставить себе на службу. Выбор такой: хочешь получать деньги от России, получишь, но за службу России. Ну, а если воля вольная – тебе и мать, и отец, то оставайся в низовых казаках. Вот только, где есть та самая воля? Разве казак так уж сильно волен? Он может послушаться атамана? Так что любая воля – она ограниченная порядком и дисциплиной.

– А кто станет выбирать места, куда турку да татарву бить? Или ты, государь, замирился в крымцами? Слышал я, что Тохтамыш к тебе на поклон придет, – Сагайдачный задумался, но быстро пришел к какому-то мнению и продолжил. – Низовые будут со мной, а вот реестровые уж больно злые на тебя, государь. Много их побили.

– Ну, кто с ляхами пойдет, тот будет бит, – отвечал я с явным намеком и самому Сагайдачному. – По реестру с Лукой Мартыновичем поговоришь, там и жалованная грамотка от меня, где и какие земли даю. Знаю, что земли те не мои. Но моими стать могут.

Вот и первая угроза прозвучала. Но Петр должен понимать, что просто так ему не быть гетманом. Я решил, что пряничков хватит, можно слегка стегнуть и кнутом

– Двадцать тысяч кочевников рядом с Сечью, мое войско там же. Те воины, что только недавно разбили ляхов... – мое лицо стало строгим.

Я сделал паузу, посмотрел на князя Пожарского. Хотелось даже похулиганить и подмигнуть Дмитрию Михайловичу, но не стал этого делать.

– А что, князь Пожарский, коли нужно будет, возьмешь земли, что за порогами? – спросил я у стольного воеводы.

– Бude воля твоя, государь, я Истамбул возьму! – хвастливо сказал Пожарский.

– Так чего ты хочешь, государь? – видно было, что угрозы, пусть и прозвучавшие несколько мягко, не понравились Сагайдачному.

– Я сказал тебе, гетман. Я признаю власть твою только в унии с Россией. Живите, как хотите, но воевать вместе будем и набеги не чинить на мои земли! – сказал я и встал. – Коли не будет этого, то следует мне вспомнить, как казаки воевали, да и воюют поныне супротив моего войска. Как они кровь моих воинов лили, под Смоленском были, да с лжецом Могилевским Брянск и Стародуб грабили.

– На Сечи сила скопилась, государь, более за тридцать тысяч добрых сабель, – а вот и от Сагайдачного угроза.

– У Сигизмунда более того воинов, но толку нет. А у тебя другого случая не будет, чтобы стать над землями за порогами. Пойди выпей чаю! Совет держать нужно, – сказал я и чуть отвернул голову.

Расхотелось что-то частных бесед вести с пока еще кошевым. Я понимал, чего он хочет: быть правителем, при этом иметь Россию спонсором без обязательств. А после? Скинута Сагайдачного, придет Барабаш, сгорят все инвестиции? А я так не хочу. Уния не должна быть личной, потому и признаю условную государственность Запорожского войска, чтобы заключать договор. Нарушат, значит и нет никакой субъектности.

Но есть у меня и иные мысли по тому, как можно удержать запорожцев в своих союзниках. Первое, это замазаться на крови. Совместные набеги, желательно, удачные. Второе, от сильного никто не бежит. Будет Россия сильной и богатой, так и все соседи будут считаться и никакие договоры не станут нарушаться. А слабого можно и пнуть, обмануть и послать по известному каждому русскому человеку маршруту. И тут какие договоры или клятвы не произноси, все едино – слаб, значит от тебя побегут.

– Государь, отчего ты с ним лаской? Недалеко от Сечи такая сила стоит, возьмем все их крепостицы! – первым высказался Андрей Андреевич Телятевский.

– Он нужен нам. Для Крыма и нужен, – отвечал я.

– Обскажи, государь, как ты мыслишь! – сказал седовласый Василий Петрович Головин.

– Война с туркай нам ни к чему. А она может быть, потому что в Крыму нужно ставить Тохтамыша и султан тому не обрадуется. Свои войска рядом держать надо, но не вмешиваться. А вот турецкие крепости пусть берут казаки. На них и будут турки злые, – я сделал паузу и посмотрел на Татищева.

Как-то сложилось, что именно Михаил Игнатьевич стал отвечать за политику на южном направлении, тогда как наказной боярин Приказа Иноземных дел, Семен Васильевич Головин, больше занимается западно-европейским направлением. Вон и к цесарцам посольство собрали.

– Дозволь, государь! – Татищев понял, что я хочу услышать его мнение, вернее, чтобы слышали остальные, так как я знаю позицию боярина.

– Скажи, Михаил Игнатьевич, – разрешил я.

– Коли турку беспокоить по городам приморским, да казаками брать крепости турецкие Аккерман, али Кефу, то урон буде великий им, но мы тут и ни при чем, будем одной рукой грозить казакам, а иной порошу да ядра давать, – говорил Татищев, прямо-таки моими словами.

Я помнил из истории, может и без особых подробностей, что при Сагайдачном и Кафу брали запорожские казаки и Синоп и Трапзунд. Да они умудрились ограбить константинопольский порт! При этом на своих чайках громили турецкие корабли. Та артиллерия, что была на османских кораблях редко попадала по юркой, но, что важнее, низкой, чайке. А потом abordаж и все, нет у турок корабля.

Подобное казаки вытворяли своими силами. А что, если к процессу подключить еще и донских казаков? Терцев? Да при государственном финансировании и строительстве стругов и тех же чаек, или кочей? Морская артиллерия уже на подходе, Пушкарская изба работает исправно. Может получится сладить что-то вроде каракки – картечницы, которая наводила ужас на корабли в конце далекого восемнадцатого века. И тогда огневая мощь лодок казаков еще больше возрастет.

Турки будут писать нам, требовать. Но они не пойдут, не должны пойти, войной. И не сделают это уже потому, что Крым – наш. Не совсем, конечно, наш, но, тогда так: «хэштэг Тохтамышнаш». Без крымских татар туркам сложно будет нам противостоять, если, конечно, нам получится сильно сократить логистическое плечо и иметь возможность быстро реагировать большими силами на угрозу. А тут еще и Крым сепаратизм выкажет.

А беглому хану деваться некуда. Он либо возвращает себе ханство, либо... Второго варианта, на самом деле, у него и нет. А в вопросе восстановления ханства мы поможем. Есть идея.

– Так что, государь, унию с гетманством включишь в договор с ляхами? – спросил Семен Васильевич Головин.

Вот же голова работает у человека! Додумался о еще одном способе узаконить переход в русскую сферу влияния запорожского казачества. Мне не так много нужно польско-литовских земель. Я даже до сих пор думаю о нужности Риги. А поляки никак не останавливаются, еще не навоевались. Так что придется биться с ними и дальше. И я уверен, что получится выиграть с разгромным счетом. Основные силы западного соседа уже разбиты.

– Ты, Семен Васильевич, – я посмотрел на Головина и после повернул голову в сторону Татищева. – И ты Михаил Игнатьевич. Пображничайте с гетманом, обскажите ему все, как есть! Не хочу я лезть в их внутренние дела, но набеги на турок или на крымчаков, если с Тохтамышем не договоримся, они должны согласовывать и планировать только со мной. А в том им помощь и защита от России.

Оба боярина степенно поклонились.

Через час я наблюдал отчаявшегося молодого человека, который старался выглядеть грозно, порой надменно, но держать лицо у Тохтамыша не получалось. Было видно, как внутри его бурлили эмоции и с хрустом ломалось мировосприятие. Как же! Еще недавно он считал, что Московия чуть ли не вассал его великого ханства, а сейчас стоит передо мной, а я сижу и возвышаюсь на своем троне.

– Я рад тебя видеть, мой брат! – приветствовал я беглого хана, напрочь убивая в нем самолюбие.

В данном случае обращение «брат» могло лишь звучать, как признание Тохтамыша равным мне, государю-императору Российской империи. Обстановка говорила об обратном. Мои слова можно было счесть и за издевательство, так как брата встречают стоя.

– Я пленник твой? Тогда чего ты хочешь? Выкупа? Серебра? Лошадей? Чего? – тяжело дыша, явно сильно нервничая, говорил беглый хан.

– Я хотел бы знать, чего хочешь ты! – спокойно отвечал я под еле сдерживаемые ухмылки присутствующих бояр.

Приближенные к власти бояре наслаждались, или даже, упивались, унижением хана. Как же русские люди боялись крымцев, сколько сил и средств уходило на то, чтобы уберечься от их набегов! Сколь долго убирали следы пожаров в Москве после даже не набега, а полноценного нашествия крымских татар с другими своими союзниками в 1571 году! И тут вот он – не великий хан, а так... ханчик.

Невысокий, если не сказать, низкий, может даже чуточку ниже меня, по крайней мере, мне льстило так считать, хан выглядел убого, какие бы богатые одежды не были на нем, или как он не пыжился и не напрягался казаться важным.

– Я хочу домой, ты это понимаешь, царь-урус, – сказал Тохтамыш.

– Государь-император, хан, мой титул так звучит! – строго сказал я.

Может и нахрен его? Грубит еще! Нет, тут личное нужно немного отставить в сторону. Если получится хотя бы часть из задуманного, то ханство не скоро будет беспокоить русские просторы, если вообще будет. Тут или контроль над татарами, или создать еще больший хаос на полуострове и тех остальных территорий, которые контролировали наследники Великой Орды. Как они себя считают. А так наследников этих пруд пруди.

Тохтамыш не спешил поправляться и называть меня по титулу. Впрочем, назвал бы «братом», так и это сошло. Не хотелось, чтобы на приветствии и закончился разговор.

– Если я помогу вернуть тебе трон, как ты видишь будущее наших держав? – задал я главный вопрос, от которого и будут зависеть и жизнь Тохтамыша и дальнейшие мои планы.

– Три года не будет набегов, – оживился Тохтамыш, будто почувствовал шанс. – Пять тысяч лошадей дам.

Невольно, но я улыбнулся. Все же наивный он, или начинает торговаться с минимального, даже с ничтожного.

– Этого мало, хан, очень мало. Если у тебя будут воины, подвластные мне, то не меньше пятнадцати тысяч. Они могут потерять немало коней, возможно, жизнью за то, чтобы ты вновь занял Бахчисарай. А ты только это предлагаешь? А по набегам?.. Что, если я совершу набег на Бахчисарай и другие города твоего ханства? Уведу людей? Для меня такое дело прибыльно будет, не то, что жалкие пять тысяч коней, – высказался я.

– Что предлагаешь? – насупившись, спросил хан.

– Михаил Игнатьевич! – призвал я Татищева.

Боярин встал, развернул сверток бумаги и стал зачитывать условия договора.

– Признать Российскую империю союзником и не чинить ни в чем дурного, как то... – Татищев, зычным голосом, оглашал проект договора под сводами Грановитой палаты.

Я и не думал брать под свой контроль Крым. Считаю, что нынешняя Россия пока не сможет полностью проглотить такой кусок. Нужно тогда держать немалые силы внутри ханства, или заняться грандиозным переселением татар. Устраивать геноцид не собирался. И не гуманизмом я руководствовался, а тем, что народ, зажатый в тиски, будет грызться за жизни своих детей. Можно так увязнуть в делах Крыма, что упустить остальные направления, да денег потратить. А

Кроме того, я хотел избежать прямой конфронтации с Османской империей. Я знал из послезнания, да и имеющиеся сведения показывают, что османы более остальных хотят реванша с Персией. Они не стали возобновлять войну с Аббасом лишь потому, что завязли в восстаниях джелали, еще сыграли роль дорогостоящие действия империи в Венгрии. Теперь же, наказать персов – дело репутации и авторитета султана.

В той истории, которая уже во-многом поменялась, визирь Куюджу Мурад-паша возглавил поход османов на персов, который вот-вот должен либо состояться, либо усиленно готовиться. Вроде бы османы даже удачно начнут войну, но что-то с визирем станется, может, помрет, и на том война закончится [умер в 1611 году, возможно, не обошлось без Кесем-султана, с которой визирь поссорился перед походом].

Так что Османской империи будет чем заниматься и без того, чтобы карать татар-сепаратистов. Именно их, так как Россия, по сути не будет иметь своих войск на крымской земле. А вот тут мне очень важен Сагайдачный. Казаки могут стать моими «прокси войсками», как и донцы. Мало будет этих сил, чтобы не дать крымцам подумать о возврате к прежнему? Так и «отпускников» pošлю. А сам скажу, что войск моих в Крыму нет! Османы могут пойти войной, тем более, что казаки будут дергать их крепости и не только в Северном Причерноморье. Но сделают это лишь тогда, как соберутся с силами. Но и мы уже должны быть сильнее и готовы. А с казаками силы в регионе, даже, если крымцы не станут воевать, более сорока тысяч.

В это же время, мы продолжим уже, считай, в тепличных условиях, сокращать логистическое плечо с Крымом. Усилим крепость в Бахмуте и увеличим ее гарнизон, так же поставим крепости на границе с землями Запорожского войска, переведем туда армянский полк, реестровых казаков. В случае, если турки захотят померяться силами, нам уже будет, чем ответить и достаточно быстро.

– С чего жить будет ной народ? – спросил Тохтамыш, ошеломленный условиями договора.

– Всю шерсть, что добудете, куплю, коней – куплю, кто не подданный мой, можете ловить и жить далее с рабства. Знаю, что ислам не позволяет вина, но в Крыму много греков и готов-германцев, армян. Пусть продают нам вино! Все это можно обсудить и найти, что будет выгодно и России и ханству, – говорил я, поймав себя на мысли, что начинаю уговаривать.

А тут такая ситуация, что могу требовать.

– А как же султан? – похоже, Тохтамыш, все же склонялся к предложению.

Собственно, ему деваться некуда. Тут либо умирать, либо с позором жить в Москве вечным пленником, ну или все же вернуть себе престол, тем более, что русских, то бишь, православных, в Крыму не будет. Я планировал отправить с Тохтамышем башкир-мусульман. Их сейчас тысяч пятнадцать и сложно уже прогнать обратно в Степь. Увлечлись они грабежами малороссийских земель. Так что решал две проблемы: увод башкир и становление ханом моего ставленника.

– С султаном лучше не воевать. Но, если ты поедешь в Истамбул, то я сразу направлю войско в Крым. Помни, что Ахмад присылал янычар, чтобы убить тебя! Твой отец смог вести свои дела сам, без указаний от султана, – говорил я, пытаясь задеть нужные струны души и сознания Тохтамыша.

Он пытался быть, как отец, а так же, как бы не пыжился, Тохтамыш испугался смерти и сейчас боится за свою шкуру. Так что может и получится.

– Я согласен! Но мне нужны будут пушки! – после некоторой паузы, сказал беглый хан.

– Договоримся! – улыбаясь, отвечал я.

Глава 4

Глава 4

Варшава

18 мая 1609 года

Сигизмунд Третий Ваза терзался смешанными чувствами. С одной стороны – держава, в которой он монарх, летит в бездну. В данном случае, конечно же, Сигизмунд переживал. С другой стороны – вины его в том, считай, нет.

Редко бывает правитель, который не желал бы видеть свою державу великой. Логично же, что успешное государство – это в том числе и величие монарха. Еще несколько лет назад Сигизмунд был уверен, что Речь Посполитая – мощное, сильное государство, способное решить абсолютно все задачи. Пусть этот ненавистный Сейм и придерживал монарха за руку, не давая раскрыться в полной мере и реализовать грандиозный проект польско-шведской унии, но все же Сигизмунд чувствовал себя королем и все успехи Речи Посполитой принимал на свой счет.

С 1606 года началась черная полоса в жизни Сигизмунда, но, как и для всей Речи Посполитой. Сначала рокош Зебжидовского, после шаткое состояние в войне со Швецией, где королю не удавалось удержать решающую победу, пусть и не проигрывая крупных сражений. А после начал действовать этот русский... Здесь Сигизмунд всегда терялся, как относится к Дмитрию Ивановичу. Еще не так давно он был уверен, что на троне в Москве сидит самозванец. Теперь он почти убежден, что московский престол занимает, что ни на есть, потомок Иоанна Ужасного, как называли в Польше Ивана Васильевича. С одной стороны – поступки и действия русского царя умны и почти всегда последовательны, и такую политику может вести только образованный человек и с Божьим благословением. С другой стороны – Сигизмунду претила даже мысль, что он проигрывает какому-то самозванцу.

Польский король потребовал от своей канцелярии провести дополнительное расследование в поисках истины: кто же сидит на русском престоле. Правда, вопрос был поставлен таким образом, что расследование уже склонялось к определенным выводам. Король спрашивал, может ли русский царь быть истинным сыном Ивана Ужасного, которого в России называют Великим? Ответ был: мало вероятно, но может. Этого было достаточно для короля, чтобы начать думать о русском царе, как о венценосном брате. А выводы комиссии он приказал сохранить. История, конечно, рассудит, но мало ли выяснится, что в Москве все-таки самозванец, а он – истинный аристократ и монарх ронял свою честь в общении с проходимцем. Тогда можно предъявить документ о расследовании и прикрыть поруганную честь польского монарха.

Сегодня в некотором роде был триумф для Сигизмунда. Не он просил прибыть всех причастных к войне с Россией, это они упрашивали себя принять. Вместе с тем, эти люди на данный момент являются одними из самых влиятельных, и их голоса, пусть чуточку, но все же громче остальных звучат на Сейме.

Кшиштоф Радзивилл, Янош Заславский, Станислав Жолкевский – сегодня они – просители, а вчера требовали от короля. Речь Посполитая стоит у пропасти и теперь он, король Сигизмунд, имеет шанс стать тем, кто спасет Речь Посполитую. Права была Констанция, любимая жена, ну, и заодно сестричка, когда просила отпустить ситуацию и подождать.

– Ясновельможное панство, что подвигло вас просить аудиенции? – издеваясь, спрашивал король.

Сигизмунд мог принять двух военачальников и одного дипломата, как минимум, сорока минутами ранее, но посчитал нужным слегка их потомить в приемной, сославшись на неот-

ложные дела. Все прекрасно поняли этот жест, но ситуация такова, что развернуться и уйти, ни Кшиштоф Радзивилл, ни его спутники не могли.

– Ваше величество, мы пришли спросить, что сделает Корона для того, чтобы решить сложившуюся ситуацию? – задал вопрос Кшиштоф Радзивилл Сиротка, пытавшийся сохранить мину в уже проигранной партии.

– Пан Кшиштоф, а как там поживает Карл? Вы же в последнее время больше живете в Стокгольме, чем в Речи Посполитой, – Сигизмунд не стеснялся и не сдерживался в колкостях.

– Ваше величество, уверен, что вы знаете о том, что шведский риксдаг не позволил Карлу начать войну против России, – с сожалением в голосе, с ненавистью и презрением в душе, говорил самый старший из ныне живущих Радзивиллов.

– Знаете, ясновельможные паны, вы дали время подумать, оттесняя от меня управление державой, и вот, к каким выводам я пришел: Московия нас побеждает не потому, что они лучшие воины, нет, польский шляхтич сильнее и ловчее московитов. Они берут над нами верх потому, что имеют единоначалие. Прикажет царь, а они – исполняют. Заметьте, паны, не выносят вопрос на обсуждение Сейма, не тратят на это время, а исполняют! Бояре у царя послушные. Непослушных он казнил. А у нас любой шляхтич может отказать королю, – Сигизмунд наслаждался моментом.

На самом деле король очень серьезно начал думать насчет государственного переворота в Речи Посполитой. Сейчас такой момент, когда ослабили все политические группировки и партии. Погиб наследник Острожских Янош. При бегстве, после битвы у Киева, при странных обстоятельствах погиб Константин Вишневецкий. Вероломно был убит смоленским воеводой Шеином Ян Сапега. Теперь, пока идет борьба за власть и влияние над депутатами Сейма, на первый план выходят магнаты, можно сказать, низшей ступени: Пацы, Воловичи и другие. В этих условиях власть короля может усилиться.

– Ваше Величество, пал Витебск, – сказал ранее молчавший Станислав Жолкевский.

Сколько же стоило Сигизмунду усилий и актерского мастерства, чтобы сыграть огорчение. Он себя ненавидел в этот момент, потому как радоваться поражению, было бесчестным. Но, это же не его поражение! Это Сейм, Жолкевский, Сапега, еще кто-то, но не он, не король. Это они не оценили слово короля, когда он договорился о мире. Что тогда нужно было отдать? Киев? Из крупных городов, только он. И этого показалось много. А теперь? Что может захотеть русский царь после очередного витка нескончаемого русско-польского противостояния?

– Что теперь ждет Речь Посполитую! Ясновельможное панство, стоит ли мне напомнить о том, как я предупреждал и хотел мира с Россией на тех условиях, о которых я договорился с царем? – Сигизмунд посмотрел на Радзивилла. – Пан Кшиштоф, я так понимаю, что ваше посольство в Швецию закончилось ничем. Что дальше делать думаете?

– Будет ли мне позволено ответить на этот вопрос? – спросил Станислав Жолкевский.

– Прошу, пан! – сказал Сигизмунд, рукой приглашая гетмана высказаться.

– Вильно выстоит. У Скопина-Шуйского не хватает пороха, чтобы бить по городу. Стены крепки, а постройки за стенами Вильно с одной стороны позволяют врагу прятаться, с другой, мешают идти на приступ, – сказал Жолкевский, стараясь не смотреть в глаза короля, выражавшие скепсис и недоверие.

Даже ему, королю, в условиях сидения в Варшаве и неучастия в войне, было прекрасно известно, что смоленский воевода Шеин брал Витебск быстро и с беспрецедентным артиллерийским напором. Смоленск был перенасыщен пушками, которые Шеином были взяты с собой. Там же было и невообразимое количество порохового припаса, так как еще полтора года назад Смоленск готовился к чуть ли не десятилетней осаде.

– Не утруждайтесь, гетман. Я понимаю, к чему вы клоните. Рассчитываете снять осаду московитов лихой атакой? Вы же в курсе того, что к Скопину идет подмога? Еще больше пушек, пороха, ядер, дроба? В Смоленске всего этого было более чем достаточно. Так что скоро

штурм, – король встал, вся его игривость испарилась. – Разорены украинцы, русские угрожают Львову, а там недалеко и до Кракова. Уже кочевники могут совершать набеги на исконно польские земли. Поэтому ли шляхта покидает ряды войска? Хотят вернуться домой, чтобы защищать свои поместья?

– Мы для того и пришли, чтобы решить эти проблемы! – не выдержал и повысил голос Янош Заславский.

– Я уважаю Ваши заслуги, пан Заславский, перед Речью Посполитой и Коронай, но не стоит кричать в МОЕМ кабинете! – жестко припечатал король.

– Простите, Ваше Величество! – повинился старей, заслуженный, воин, оставшийся, вместе с Любомирским, единственными командирами разгромленного под Киевом войска, уже практически не существующего войска, частью ушедшего к Мозырю, так как другие города рядом были разорены.

Именно Заславскому удалось фланговыми ударами охладить пыл московитов, которые рванули за рассеянным польско-литовским войском. Русские в итоге оттянулись на свои позиции, лишь отлавливая некоторые разрозненные отряды бывшего мощного войска под командованием погибшего Яноша Острожского.

– Знаете ли вы, паны, что русские начинают переброску пороха и некоторых конных соединений к Полоцку с юга? Еще неделя и войска там будут. Вильно обречена, – констатировал король.

Присутствующие знали эту информацию. Жолковский понимал, что столица Великого княжества Литовского в сложнейшем положении, пусть и надеялся на то, что город выстоит. Тот фланговый удар, что он готовит, отказавшись возглавить оборону Вильно, не способен решить стратегических задач. Даже, если получится нанести русским сильный урон, перейти в контрнаступление просто невозможно. И пусть Вильно насыщено войсками, там более двенадцати тысяч защитников, русские имеют стратегическую инициативу. А еще их численность, в том числе и благодаря подкреплениям и прибывшим наемникам, почти в три раза больше, чем защитников, даже с учетом ополчения из некоторых горожан.

– Нам нужен мир, пока мы окончательно не проиграли войну, – словно бросившись в омут с головой, произнес Радзивилл.

Вот оно! Понятно, что за этим приходили, хотели, чтобы он, Сигизмунд, сказал те слова, которые стыдно озвучить самим.

– Выставляйте вопрос на рассмотрение Сейма! – сказал-отрезал король.

– Ваше Величество, это будет долго, переговоры нужно начинать уже сейчас. Вначале добиться перемирия, – продолжал Кшиштоф Радзивилл.

– А какие условия поддержит Сейм? Или вновь предлагаете мне давать свое слово, а после отказываться? – спрашивал король, на самом деле вообще не желающий участвовать в унижении.

Сигизмунд прекрасно понимал, что сейчас, согласись он начать переговоры, с ним будут разговаривать совсем по-другому. Он уже соглашался на мир, к чему это привело, известно, Сейм не согласился и начал новую авантюру. Сейчас же свалить на кого-то переговорный процесс не получится. Русский царь самолично решит вести переговоры и уже этот факт станет унижительными для Сигизмунда, учитывая то, что польский король оскорблял русского монарха, сомневаясь в его крови и праве на престол.

– Сейм устроят прежние договоренности, – произнес Радзивилл.

– А казаки? Сагайдачный в Москве! Вы, паны, понимаете, о чем он поехал договариваться? – вот тут эмоции короля все же проявились. – Новые условия московитов, кроме Риги, Динабурга, Полоцка и Витебска, будут содержать еще и переход сечевых под руку царя!

– Нужно срочно увеличить реестр казаков, – высказался Жолковский, за что получил молчаливый, но от этого не менее информативный взгляд Залевского.

Янош Залевский понимал казаков, он рядом с ними нес свою верную и честную службу Речи Посполитой. Знал староста, что многие верные короне реестровые либо погибли, либо разочаровались в короле. Казаки, как и многие мужчины-воины, уважали силу, но они увидели слабость Короны, а еще и задержки с жалованием и с постоянным дефицитом пороха. С другой стороны, православные московиты могут предложить и службу и дружбу и звонкую монету, за которую многие казаки готовы менять своих покровителей, если только останется хотя бы призрак вольности.

– Русские взяли последнего крымского хана, вы знали об этом? – продолжал король. – Теперь казаки будут смотреть на Москву с ожиданием. Скажи царь, что нужно брать ослабленный Крым, вся сила Запорожья ринется воевать под их знаменами.

– Чтобы сделали Вы, Ваше Величество, в такой ситуации? – скрепя зубами, спросили Радзивилл.

Сигизмунд задумался. А пойдет ли шляхта на соглашения? Примет ли она все условия русских? Они могут потребовать очень многого, даже того, что нынче ими не оккупировано. Могилев? Гомель? Мозырь? Что еще?

– Молиться! – сказал король, а Радзивилл чуть не сплюнул прямо в кабинете Сигизмунда.

– Все, что Вы, король, предлагаете? – воскликнул Жолкевский.

– Да, пока именно так, паны. Вспомните войну Стефана Батория! Тогда большое войско Речи Посполитой подошло к Пскову, до того взяв многие русские крепости, отбив Полоцк. Русские выстояли. Мы еще более сильные духом. Вильно должно устоять! По крайней мере, осада обязана продлиться не менее трех месяцев. Пусть они засыпают город ядрами, он должен стоять! Вот тогда и можно пробовать разговаривать. А пока, паны, созывайте Сейм! Мне нужна отмена последнего, незаконного, Пакта Конвента. Тогда я отдам свой резерв в десять тысяч воинов для одного из аргументов для переговоров. Русские поймут, что мы можем сопротивляться и пойдут на соглашения, – сказал король и отвернулся [пакта Конвента – соглашение короля и Сейма на ограничение королевской власти. Мог заключаться только перед началом правления, в АИ Сейм пошел на изменение, что нарушает порядок].

Констанция. Нужно срочно посетить жену, рассказать ей, что оказалась права. Да, это победа! Как же странно, когда победа короля зависит от поражения державы?! Видимо, что-то в государстве не так, если подобное возможно.

* *

Вильно

27 мая 1609 года

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский в сопровождении только вчера прибывшего Юрия Дмитриевича Хворостинина и своей «тени» Андрея Семеновича Алябьева, это, если не считать порядка тридцати телохранителей и трех рот рейтаров, рассматривали городские укрепления Вильно. Сейчас молодой, но уже покрывший себя славой, головной воевода русского войска, в зрительную трубу в подробностях рассматривал Субочские ворота. Это было грандиозное сооружение, весьма удачно расположенное. Так, башни ворот простреливали значительную часть стены и являлись ключевым узлом обороны крепости.

Скопин-Шуйский прекрасно понимал, что даже, если ударить в районе других ворот, без нейтрализации Субочских башен, будет сложно рассчитывать на полный успех. При штурме города резерв обоняющихся, расположенный рядом с Субочскими воротами, может оперативно реагировать на любые прорывы и атаки русских войск. Это так и было бы, если только не преимущество русских в численности войска.

– Подведем пушки – и дела не долга, – говорил Хворостинин.

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский только с улыбкой на лице покачал головой.

Юрий Хворостинин словно переродился. Ранее, бывший хорошим исполнителем, нынче в воеводе будто проснулись качества его великого отца. Хворостинин-сын стал сыпать предложениями, высказывать свои соображения. Было видно, что он готов проявлять инициативу и расти, как военачальник.

Скопин-Шуйский даже немного заволновался. Его чин главнокомандующего мог бы предполагать сидение далеко от театра военных действий и лишь вырабатывать общую стратегию ведения войны. А молодой гениальный полководец уже не может без адреналина сражений.

– Без приступа нам не обойтись, – в очередной раз подумав, высказывался Скопин-Шуйский. – Мы правильно поступили, что начали тренировать воинов и выстроили свои стены. Приступ будет кровавый. Но, коли промедлим, то будем иметь худшее условие для мира.

– Боярин, головной воевода, – обратился к своему командиру Алябьев. – Переговоры будут?

– Каждая война закончится переговорами и миром, – наставительно отвечал головной воевода.

Два дня тому прибыло пополнение, за которое Скопин-Шуйский был очень благодарен смоленскому воеводе Михаилу Борисовичу Шеину. Головной воевода оказался неподдельно удивлен поступком смоленского воеводы. Это была, по сути, инициатива Шеина, поделиться пушками, а главное, порохом, ядрами и дробом. Именно этого крайне не хватало войску Скопина-Шуйского. Ранее пренебрежительное и негативное отношение к Шеину одномоментно изрядно прибавило смоленскому воеводе дружелюбия со стороны главнокомандующего.

– Я все, что хотел, увидел, – сказал Скопин-Шуйский, а после обратился к Алябьеву. – Андрей Семенович, на вечер назначаю Военный Совет.

На военном совете не было ни одного возражения о начале приступа. Обсуждались лишь частные моменты предстоящего мероприятия.

24 мая 1609 года от рождества Христова русские войска, до того перекрывавшие все подходы к столице Великого княжества Литовского, пришли в движение. Неожиданно для защитников, русские войска стали атаковать городскую стену сразу в трех местах. Русские воины наперевес с лестницами, под прикрытием больших деревянных щитов, подходили к городскому рву. Однако, как только защитники начинали концентрировать свои силы на определенных участках многокилометровой городской стены для отражения атаки, русские отступали.

Плотная застройка рядом с городской стеной, которая отделяла более чем треть города, оставшегося без защиты, использовалась русскими войсками для относительно безопасного подхода ближе к стене. Мало того, огромное количество артиллерии позволяло заранее спрятать в домах орудия и скрывать их до нужного момента. Тот самый нужный момент возникал тогда, как только крепостные орудия смещались чуть в сторону в направлении наступающих колонн русских. Дважды получилось осуществить подобный маневр. Защитники разворачивали орудия и получали ядра по своим позициям, теряя пушки и людей. После защитники начали бить уже по строениям, причем, чаще раскаленными ядрами. Пришлось отводить орудия, чтобы распространяющийся угарный газ от горящих домов не стал более смертоносным, чем сами пушечные ядра врага.

Между тем, далеко не весь дым шел на русские позиции. И, если у русских войск была возможность отойти чуть подальше от дыма, то защитникам приходилось тяжело. Некоторых уже рвало, у иных начинала болеть голова. Под подобным прикрытием можно было войти на крепостные стены и быстро добиться локального успеха. Но, действенных средств, чтобы не получить отравлений в наличии не имелось, а намоченные тряпки, натянутые на лицо, не так, чтобы помогали.

Большой неожиданностью для защитников стало появление плотов на реке Вилии. На этих платформах размещались орудия. Защитники Вильно обратили внимание на подходящие

к внутреннему Виленскому замку артиллерийские платформы уже тогда, как только первые орудия на плотках прошли Гедыминову гору. Из-за того, что напротив была река, а за рекой располагались лишь только несколько рот русских солдат, Рожинский, командующий обороной Вильно, не считал необходимым держать большие силы на стенах внутреннего замка. Потому там и не было орудий. Русские артиллеристы-пушкарники, без каких-либо препятствий, расстреливали замок, в котором, между тем, пряталась вся знать Вильно, профессура университета, магистрат.

Ворота внутреннего замка открылись и оттуда вышли мушкетеры. Роман Рожинский поставил им задачу выбить прислугу русских пушек и по возможности и вовсе захватить плоты. Вот только русским командованием предполагался такой вариант развития событий и на каждом плоту была, как минимум, одна полевая пушка, заряженная дробом и готовая к выстрелу не по стенам, а по живой силе противника. Кроме того, в домах, которые располагались на другом берегу реки, с ночи засели гвардейские части.

– Почему они медлят? – Скопин-Шуйский задал риторический вопрос, на который не было ни у кого из присутствующих ответа.

Командующий наблюдал за развитием событий с той самой стены, которая была выстроена русскими размысловыми ротами для тренировок воинов. Никто не мог сказать командующему свое мнение, потому, как толком ничего не было видно. Лишь зрительная труба головного воеводы позволяла ему видеть общую картину происходящего.

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский первоначально предполагал, как можно больше раздразнить оборону Вильно. Любитель истории военного дела Скопин-Шуйский знал главные причины того, почему монголо-татарам удавалось брать штурмом русские города-крепости. Кроме метательных орудий, монголы использовали тактику непрерывных штурмов. Особенно это было актуальным при численном перевесе атакующих над обороняющимися. Штурм и днем, и ночью с постоянной ротацией воинов и раздразниванием защитников на различные участки длинной крепостной стены – вот то, что позволит добиться успеха и выбрать нужный момент для решительного штурма, когда защитники выдохнутся, ослабнут.

Но, вот здесь и сейчас Скопин-Шуйский увидел, что можно было бы попробовать захватить внутренний замок, на самом деле одной стеной выходящий к реке и не являющийся по сути внутренним. И он сокрушался, что командиры гвардейцев не увидели момента и не постарались быстро форсировать Вилию для удара по внутреннему замку. А, нет, все же додумались.

– Поздно. Сейчас уже поздно, – констатировал Скопин-Шуйский и перевел свое внимание на то, что происходит у Субочских ворот, которые все больше расстреливали из пушек.

Гвардейцы выбежали из домов и стали спешно заходить в неглубокую реку. Уже через двадцать минут все мушкетеры, вышедшие из ворот крепости, были уничтожены. У немецких наемников, а это были именно они, шансов не осталось уже тогда, как только выбежали русские гвардейцы и начали форсировать реку. Защитники сразу же стали закрывать ворота, оставляя наемников на произвол судьбы.

– Тоже хорошо, – произнес Скопин-Шуйский.

Командующий рассудил так, что подобное поведение защитников плохо скажется на общем духе обороняющихся, тем более в той их части, которую составляют наемники. Это же, по сути предательство роты мушкетеров.

– Командуйте плотам уходить! – сказал Скопин-Шуйский и уже через тридцать секунд вестовой галопом одвуконь мчался к нужному участку осады.

Ночью приступ не прекращался. Точнее сказать, протупывание обороны противника. В полночь, а после и с рассветом было два момента, когда, сменивший Скопина-Шуйского воевода Хворостинин, хотел было дать приказ на побудку резервов и о начале полноценного штурма. Русским войскам удавалось подойти к самим стенам и даже выставить лестницы.

Однако, защитники все-таки успевали в последний момент среагировать и насытить оборону проблемного участка крепостной стены.

Через день и обороняющимся, и идущим на приступ стало понятно: рано или поздно, но город падет полностью. Роман Рожинский запросил переговоры.

– Боярин головной воевода, Рожинский время хочет потянуть. Дать отдохнуть и выпастся защитникам, – высказался Алябьев.

– Понимаю. Потому буду предлагать переговоры на реке, а приступ не прекращать. Дергайте их, усиливайте натиск. Еще два дня, и Вильно падет, – сказал Скопин-Шуйский и далее приказал вестовому донести послание до командира обороны столицы Великого княжества Литовского.

К концу дня состоялись переговоры. Под шум выстрелов, криков, барабанного боя, треска горящего дерева, встретились два военачальника.

– Я знал, что ты, воевода, молод, но вблизи кажешься еще моложе, – Рожинский начал переговоры с завуалированного оскорбления.

– Чего, казак, ты хотел? – Скопин-Шуйский ухмыльнулся.

Михаил Васильевич прямо оскорбил Рожинского. Но, если бы Роман Кириллович не указывал на молодость русского командующего, непрозрачно намекая, что это недостаток, то, возможно, и Скопин-Шуйский не указывал на то, что Рожинский шляхтич лишь во втором поколении, а его отец никто иной, как казак. И все бы ничего, но он сейчас слишком взлетел и командует аристократами. Наверняка, Рожинский чувствует некоторые неудобства и ему могут намекать на низкое происхождение. В столице княжества по любому найдутся аристократы, которые будут кичиться своим происхождением.

– Город даст триста тысяч талеров, если вы уберетесь. Магистрат и вся виленская шляхта будет добиваться от короля переговоров, – скрепя зубами преисполненный ненавистью и злобой Рожинский озвучил предложение, ранее согласованное с горожанами.

– Вы сдаете город и тогда я запрещаю своим воинам грабить и убивать. Никого не уведу насильно в Россию. И сто тысяч рублей для покрытия трат на осаду, – предъявил свои требования Скопин-Шуйский.

– Не бывать этому, – сказал Рожинский и схватился за эфес сабли.

Скопин-Шуйский не был робкого десятка и уж тем более не пропускал занятия по сабельному бою. Так что он нисколько не ступешался, встал и демонстративно на треть длинны извлек из ножен свой клинок. В полном молчании происходила дуэль. Взглядами.

– Я дал слово, что сегодня будут переговоры, а слово шляхтича нерушимо, – в конечном итоге произнес Рожинский, развернулся и направился в сторону ожидавшей его лодки.

А штурм, между тем, все усиливался. Как только русские войска подступали к стенам и уже ставили лестницы, к этому участку стены стекались защитники. Они делали это все более вяло, менее организованно. А у русских войск наступало время ротации и свежие силы повторяли маневр уже на другом участке стены.

– Боярин головной воевода, прискакал капитан дальнего дозора. В двух днях видели польское войско, – сообщил Скопину Алябьев.

Головной воевода задумался. Если защитники узнают, что к ним спешит помощь, они напрягутся, но выстоят. Следовательно, они не должны об этом узнать.

– С рассветом начинаем решительный приступ, а сейчас усильте натиск и начинайте закидывать город калеными ядрами, – приказал Скопин-Шуйский и отправил вестового, чтобы тот разбудил Хворостинина.

Необходимо окончательно определиться с местом генерального штурма и здесь лучше посоветоваться.

Через час загрохотали осадные орудия, до того почти не стрелявшие. Каленые ядра полетели в город, вызывая пожары и немалые разрушения. Вильно был больше все-таки городом

каменным, но деревянных построек хватало, как и перекрытий в каменных домах. А прошедший утром дождь не столько разжигал пожары, сколько поднимал дымы. Так что, можно сказать, город не горел, а тлел и дымил.

Горожане задыхались. Вполне обычной картиной могло стать, что бегущий человек, вдруг, припадает на колено, а потом и вовсе, задыхаясь, падает и, широко раскрыв глаза, умирает от угарного газа. Когда собрался виленский магистрат для решения вопроса о сдаче города, Рожинский приказал всех арестовать, а бургомистра и вовсе казнить. Вот только отсрочил исполнение приговора до момента, когда осада будет снята. Так что Рожинский еще не полностью выжил из ума, но был близок к этому.

Утром начался решительный приступ. После активной и продолжительной артиллерийской канонады, устроенной аж на четырех участках городской стены, гвардейские части пошли на приступ у центральных Субочских ворот. Еще днем ранее отсюда защитниками была снята артиллерия и направлена на другие участки стены. Именно в этом месте, как в самом защищенном, никто не ожидал решительной атаки русских. Даже без защиты больших щитов, слаженным, мерным, но быстрым бегом, вышколенные воины, несмотря на потери, быстро приближались к участку стены. В это время штурмовые действия начались и в других местах.

Русские воины взбирались на гребень вала и первые из них получали две-три пули, а иногда и больше, кулем сваливаясь вниз. Смерти первых отважных героев позволили идущим сзади решительно преодолеть вал, а после и взойти на крепостную стену, защитники не успевали перезарядиться. Наемники обороняющихся стали отступать, и стену на этом участке защищали лишь студенты университета. Защищали отважно, не страшась смерти, однако, они не были слаженным отрядом и не так часто упражнялись с саблей, тем более с ножами, которые в толчее боя на стене, играли чуть ли ни главную роль. А еще у штурмовых отрядов, идущих на приступ, было преимущество огневого боя. Многие имели заряженные пистолы.

И тогда русские войска вошли в город. Наемники укрылись в одном квартале и стали вести переговоры о сдаче. Их никто не трогал.

Два дня город пребывал в ужасе. Два дня лилась кровь, не прекращалось насилие, осуществлялся грабеж. Русская армия, потеряв шестьсот семьдесят два убитыми и более тысячи ранеными, мстила за свои потери. Первоначально они казались еще более чудовищными. Даже Скопин-Шуйский, наблюдая в зрительную трубу за ходом сражения, был уверен, что потери исчисляются тысячами. Может, и не каждый дом стрелял, но городские бои внутри стены были. Так что Вильно уничтожалось. Уже после станет понятным масштаб трагедии, в которой было убито более двадцати пяти тысяч жителей только за один день. А разрушения довершил масштабный пожар [Описание количества погибших горожан взято из данных захвата Вильно русскими войсками в ходе войны 1654-1667 годов].

Войска, шедшие на помощь столице княжества, остановились в двух днях, не рискуя продвигаться дальше.

Глава 5

Глава 5

Москва

4 июня 1609 год.

Москва ликовала. Пришли вести о итогах сражения за Вильно. Никому не было дела до того, сколь много пролилось крови, безразличны судьбы людей, важно иное – победа. Наверное, поговорка, в которой не судят победителей, имеет еще более глубокий смысл, чем я думал раньше. Если ты победитель, то тебе и определять состав преступления, как, впрочем, и его наличие. Так что плевать на тысячи убитых, если ты не в их числе. Ну, случись так, что ты умер, так и вовсе, плевать – мертвые не только не потеют, они еще и не сожалеют.

Ну а для живых русских людей, победа над Речью Посполитой – это тяжелая гирька на весах самосознания и патриотизма, которые уже перевешивают уныние и смуту в головах людей.

Я уверен, что системе устойчивости государства существуют три главные скрепы. Первая, – экономика. В современных условиях голод еще помниться, потому уже незначительные улучшения ситуации и не сытая, но не голодная, жизнь, делают сегодняшний день более выгодным для престола, чем вчерашний.

Вторая скрепа – это религия. И тут все более чем основательно и славно. Москва, как и вся Россия, живет в ожидании Вселенского Православного Московского Собора. Уже то, что именно в русскую столицу, которая еще не так, чтобы отошла от гордости за создание Московского патриархата, приезжают все патриархи, подымает национальную гордость до небес.

А тут и третья скрепа подоспела – победы русского оружия над врагом, который не так, чтобы и давно «кошмарил» русских воинов. Ливонская война все же воспринималась, как пораженческая, несмотря на успехи вначале противостояния Московского царства и Речи Посполитой. Не важно, что Польша и Литва, только объединившись смогли что-то противопоставить России, все равно было обидно потерять завоевания. А теперь не просто Россия с Польшей поменялись местами, а русские войска громят польскую шляхту. И не важно, сколько денег ушло на то, чтобы выучить и укомплектовать полки, сколь много пота пролилось на учебных площадках. Не станут люди брать во внимание даже количество погибших и покалеченных.

Ну и правильно! Да, именно так! Потому что все цифры – это показатели для тех, кто принимает решения. Они, то есть и я, должны проанализировать и сделать нужные выводы. Пусть взяли огромный город, можно бы и расслабиться и почивать на лаврах. Вильно – это очень сильно, это, если Сигизмунд не почешется, так и прямая дорога на Варшаву, или отсечение Белой Руси от Речи Посполитой. Но праздник для людей, а работа над ошибками для меня и тех, кому я делегировал право принятия тактических и оперативных решений.

– Козьма Минич, все правильно ты написал в «Правде», но как-то... кровавадно, что ли, – я проводил встречу с «министром печати» Мининым.

Газета разразилась таким «урапатриотизмом», замешанном на унижении и ненависти к полякам, что окно возможностей для нормального мира с Речью Посполитой сузилось до маленькой форточки. Массы требуют «окончательного решения польского вопроса». В отличие от Германии времен правления одного усатого австрийского художника-неврастеника, никто не призывает физически истреблять поляков, поголовно. Но такие фразы, как «ударим по Варшаве», или «разграбим Краков», звучат.

А мне не нужны руины двух столиц Польши. Мне и Вильно не была нужна. Мира! Я хочу мира с Сигизмундом, потому как война до полной капитуляции – это резкая смена политических раскладов вокруг Османской империи, Швеции. И так поляков сильно обкрадываю.

Потому и был вызван Козьма Минин, чтобы скорректировать информационную повестку. То, как действует на умы печатное слово, я, как и Козьма, увидели, потому нужно быть осторожнее, чтобы не создавать для себя необязательные проблемы.

– Я сожалею, что так произошло, что война продолжается, но мы предлагали Сигизмунду мир, предлагаем его и сейчас. Пусть соглашаются и тогда не придется разорять Львов, Луцк, ну и так дальше. Я император миролюбивый. Но своего не отдам. Вот так нужно описывать, – инструктировал я главаря.

– Принуждение к миру! – сказал Минин и словил мой растерянный взгляд.

Впрочем, я вспомнил, что уже произносил такой лозунг.

– Да. Нам нужна торговля и развитие, а не постоянные войны, – сказал я и встал. – Трудись Козьма Минич!

Минин встал, поклонился, и вышел из моего кабинета. Уверен, что он все сделает правильно, этот человек на своем месте. А мне не нужно перегревать народ. Перегретый, накаченный кровавыми нарративами народ, сильно мешает правителю быть гибким на переговорах, так как даже царю необходимо учитывать общественное мнение.

– Государь! Кого нынче? – спросил Акинфий, как только вышел Минин.

– Кто есть? – уточнил я.

– Лекарь прибыл, ожидает и духовник царицы, есть Лука Мартынович. С него начать? – схитрил мой секретарь.

Конечно же Акинфий, исподволь, подталкивает меня принять вначале Луку. Вот только те вопросы, которые подымает Лука Мартынович требуют внимания, которое рассеяно. Причины, почему я несколько не собран, просты, обычны, но от этого не менее неприятны. Это отношения с Ксенией.

Плохо, очень плохо, когда судьбы народов могут зависеть от либидо монарха и его увлеченностями женщинами, не дай Бог, миловидными мальчиками. Что было бы, если Николай II отправил генерала Иванова не охранять юбку женушки Алекс, а навести порядок в Петербург? Скорее всего, особо ничего не изменилось, так как общество той России имело очень много проблем и гнилья, но все же... И сколько в истории можно привести примеров, когда монаршие проблемы сексуального характера оказывали влияние на всю политику государства? Много, начиная с женщины низкой социальной ответственности – Елены, жены спартанского царя Минелая, которая сбежала с троянским принцем Парисом. Тысячи смертей принесла эта похоть. Хотя... там, вроде как и борьба за лидерство в Эгейском море имела место... Но все равно виновата Елена.

Как бы то ни было, я приказал привести лекаря, который лечил Ксению и других от оспы, как и сейчас находится рядом с царицей, ну и личного духовника моей жены.

– Ну? Я жду! – после приветствий я проявлял нетерпение. – Отец Иоанн! Скажи, почему моя жена разрушает наш брак!

– Государь, так то тайна исповед...

– Ты, поп, мне, православному государю, про тайны не рассказывай! Если Ксения уйдет в монастырь, это коснется всего. Думаешь я землицы дам церкви? Али серебра, вольницы, колоколов? Если только моя жена не образумится? Почему ты, отец Иоанн, не говоришь с ней, что детей бросать нельзя? От чего не отговариваешь?

Иоанн, относительно молодой, но, как я считал, очень даже не глупый, священник, был уже как полтора года духовником царицы. Он являлся, если можно так выразится, учеником патриарха Иова. Отсюда и доверие Ксении, как и преданность Иоанна.

И ранее я ничего не имел против подобного. Пусть рядом с царицей будет верный человек. Вот только сейчас ситуация несколько изменилась и духовник, который не может переубедить царицу уходить в монастырь и нормализовать отношения со мной, в Кремле не нужен. И я уже давал понять, нет, я прямо говорил Иоанну, что его судьба и карьера зависит от того, как он сможет помочь мне, да и самой Ксении, может, и всей России. А для того всего-то и нужно – переубедить жену.

– Государь, она не на тебя озлобилась, она... ей... нет охоты у нее, как женщины. А ты брал ее с охотой, а без охоты она не хочет, – Иоанн был явно не коучем в сексуальных отношениях, но эта «охота-неохота»... Ему бы и риторику подтянуть.

Ладно бы, если нужно подождать, чем-то помочь жене, я же не зверь какой, но не знаю же что и делать. Жмякать девок по углам? Так было уже, не то это, не так. Я не могу довольствоваться только лишь физиологией, при этом использовать рандомное женское тело для опустошения своей похоти.

– Лекарь, ты лечил ее, много после разговаривал. Что не так? – спросил я молоденького лекаря, еще, по сути, учащегося школы, но одного из тех, с кем даже я разговаривал и выдавал свои знания.

В какой-то момент, я даже приревновал Марка Лискина, надежду русской медицины и вероятного вирусолога.

– У царицы были поражены органы. Оспа не проходит бесследно, не только для кожи, но и для внутренностей. Боль у нее там... государь, – и этот не может называть вещи своими именами.

– Так разве ж это причина отталкивать меня и в монастырь уходить? И придет же к ней снова желание? – заинтересовался я. – Придет же?

– Я смотрю еще пятерых женщин, которые выжили после оспы. Наблюдая за ними, я понял, что женщины не хотят близости с мужчинами и чувствуют, когда это происходит, боли физические и терзания душевные, начиная ненавидеть мужей своих и все больше молиться, дабы замолить грех непочитания мужа, – объяснял мне лекарь. – Ну и оспины. Для любой женщины это скорбь по красоте.

– Отец Иоанн, ты слышал, что лекарь говорит? Временно все это. И я не стану силой брать жену, но хватит уже закрываться в горнице и рыдать. Жду ее сегодня на обеде! Коли не придет она, то и ты более в Кремле не появляйся! И только хоть что-нибудь скажешь о нашем разговоре Ксении... Ты понял, Иоанн! – я был строг и, действительно, готов был искать «козлов отпущения», чтобы хоть на ком отыграться.

Наступила пауза. Марк Савелич смотрел на духовника царицы, тот же стоял задумчивым. Было видно, что Иоанн не злится, не ищет путей, чтобы хоть как-то противостоять мне и не сделать требуемого, он решает, как именно уговорить Ксению. А со мной нечего бодаться. Газета, да и мои действия, сильно подняли имя государя, как защитника православия.

Да и Герману не с руки со мной даже пререкаться, учитывая, сколько именно денег направлено на церковь только в первом полугодии этого года. Мало того, организовав уже три Пушкарских избы: Московскую, Тульскую, Сольвычегорскую, я разрешил выделить отдельную избу, Колокольную. Так что часть мастеров теперь специализируются именно на колокольном производстве, при этом используются принципы мануфактуры, хотя в таком ремесле мастерство отдельного человека все еще играет большую роль.

– Отец Иоанн, ты иди и увещевай Ксению! Через час я иду обедать и хочу ее там видеть! – сказал я и указал рукой на дверь. – А ты Марк Савелич, останься.

– Государь, ты хотел узнать об опытах? – спросил лекарь Лискин, как только Иоанн ушел.

– Первое, что спросить хочу, Лискин, – я сделался еще более строгим. – Ты где, стервец, взял женщин, больных оспой? Я правильно понял, что сам и заразил?

Лекарь понурил голову.

– В глаза мне смотри, сука! – уже орал я, когда лекарь своим видом сознался, по сути, в преступлении.

– А как государь понимать болезнь? Нужно было баб опрашивать, за ними следить, кабы понимать, что с царицей происходит. Вот я что-то, да и понял. Ходил я к немцам, те ничего не знают, искал на торговнице и персов, может у них в стране что знают о том, как женщина себя чувствует и отчего мужика... прости, государь, мужа, чурается, не подпускает, – после некоторой растерянности, лекарь выпрямился и, пусть в его глазах была обреченность, готовность умирать, он четко описывал свои мотивы.

Я молчал. Уже и не знаю, как к такому относится. Не бывает омлета без разбитых яиц. Нельзя изучить болезнь, если не исследовать ее носителя. До крыс и мышей не додумались. Но... заражать людей! С другой стороны, если я сейчас одерну Марка, могу сильно подорвать энтузиазм, который царит в лекарской школе.

– Слушай сюда, лекарь, – слово «лекарь» я выделил уничижительной интонацией. – Еще раз нечто подобное сделаешь, я посажу тебя на кол, который лично заострю. Лови мышей, заражай их, следи за повадками и всем прочим. Только так, но не на людях. Никто не должен узнать о том, что ты уже сделал. А всем умершим женщинам, их семьям со своих денег выдашь по двадцать рублей. Сколько умерло?

– Три, государь. Шестьдесят рублей... у меня нет столько, – голова лекаря вновь понурилась.

– Найдешь! Или заработаешь. Я дам тебе задание, коли все сладишь, так будет тебе сто рублей, может и больше, – сказал я, задумавшись над тем, что сейчас сам себе стану противоречить, но я же Царь, могу и так.

Обстоятельно, что только знал, я стал выкладывать сведения о прививке. Почему я раньше не стал ее вводить?.. Ну да лучше поздно, чем никогда. Хотя, нужно было уже начинать эту работу, глядишь, не было бы и семейных проблем.

Я говорил про то, как и где брать вещество для заражения. И тут и крылось противоречие с тем, за что я отчитывал Марка, так как я предлагал заражать людей. Пусть эти люди и будут осужденными уголовниками, но все равно, не мыши, явно.

Я помнил не так, чтобы много о прививках, но кое что знал. Источником этих знаний был кинематограф будущего, книги о попаданцах, да и так, на слуху оказались кое какие сведения. Важно, что нужны бычки, молодые, но зараженные оспой. Именно от них получается наиболее безопасная прививка.

Это дорого, очень дорого, да и в организационном вопросе крайне сложное мероприятие. Нужно сразу подготовить немалое такое количество бычков, квалифицированный персонал, определить очередность и план прививания. Много чего, в не одну тысячу рублей. Но... это нужно.

Возникал вопрос противодействия церкви. Меня тут не так, чтобы давно, убивали за то, что телятину ел, а я предлагаю большое количество бычков испортить. Но с церковью, думаю, на волне Вселенского Собора, справлюсь.

– Ищи сам людей. У тебя время до конца лета. После жду с докладом и предложениями. Вначале прививки нужно делать в войсках, после всех дьяков привить, тех, кто отправляется в Сибирь, чтобы не нести туда хворь, – заканчивал я наставления.

– Прививка... – смаковал слово Марк Лискин.

– Иди и думай! – сказал я, стремясь избавиться от лекаря, которого одновременно хотелось и убить и похвалить.

Так что за лучшее ему пару месяцев не попадаться ко мне на глаза. Дам указание Пожарскому посодействовать Лискину, пусть они сами решают организационные вопросы, а я уже спрошу с князя.

Предстоял обед... Дело ведь не в том, что и как съесть. Я, может быть, за этим обедом и не притронусь к еде. Но мне нужно решить вопрос с женой. «Да», или «нет» – мне нужен ответ. Вот так, даже в рифму. Чувствую себя похотливым животным, которое по углам задирает девкам юбки. Не самое приятное ощущение. Но что делать, если природа требует, а жена отвергает? С моей стороны нет причин избегать супружеского долга. Оспины на лице? Да не так они и видны. Можно на лицо не так, чтобы и смотреть, тем более у жены имеется немало мест, достойных моего пристального взгляда и внимания.

– Государь-император! – Ксения встретила меня глубоким поклоном.

– Хватит скоморошничать! Садись! – сказал я достаточно строгим голосом.

Общение пока не заладилось. Ксения показательно вызываясь себя вела, отвечивая не свойственные ей поклоны, ну а я «включил мужика».

– Как повелишь, государь! – Ксении все равно продолжила свое кривлянье.

Не было бы между нами нормального общения ранее, более дружелюбного, с неприязнью многих основ домостроя, так подобное поведение Ксении Борисовны могло и выглядеть уместным. Но, ведь, было же! Все иначе было, как мне нравилось!

– На что ты злишься? – решил я просто и прямо спросить Ксению. – Что не так? Ты же была нежна и ласкова.

– А ты нашел уже и нежность и ласку. Оpozорил меня, что я женой быть не могу тебе. Разумею, что корявый лик имею, не по нраву. Так на что я тебе? Уйду в монастырь, а ты добрую, пригожую, жену найдешь, – высказалась Ксения и демонстративно отвернула голову.

И не такие уже и ужасные эти оспины. Так, словно немного прыщиков вскочило. Не отвращает, точно, тем более, что правильные черты лица сохранились в полной мере, глаза все такие же глубокие, ведьминские, увлекающие. А насчет других женщин, кто лаской меня одаривает...

– Дурында ты! – я постарался говорить не оскорбительно, лишь несколько осуждающе. – Ежели я не хотел тебя, так не бегал бы уже как месяц по твоим стопам. Ты мне нужна. Ну не хочешь возлечь со мной, так будь рядом, обними, погладь руку, скажи ласковое слово. Не насильничать же тебя, хотя... хочется до жути.

Мне показалось, или Ксения лишь усилием сдержала улыбку? Не так все и запущено.

– Ксения Борисовна, я понимаю, что тебе... не хочется, сложно после хвори. Так подождем, разве это может быть причиной, чтобы не быть вместе? Ты же уже отошла от злобы, что хворь принесла. Я же с тобой не потому, что ты Годунова, – тут я немного, но кривил, душой. – А только лишь потому, что ты жена моя пригожая и желанная.

Наступила пауза. Сейчас должны прозвучать слова Ксении. Если она промолчит, то забуду и про промелькнувшую улыбку, буду теперь считать, что не нужен жене. Ну а народная мудрость звучит однозначно: насильно мил не будешь. Кто там из принцесс нынче в активном поиске?

Минута, вторая... Я уже встал, чтобы уйти...

– Стой ты! – выкрикнула Ксения и...

Самое убойное оружие всех времен и народов – слезы, плачь. Нормальный мужчина, даже с пониманием, что им могут манипулировать по средствам слез, не может игнорировать рыдание женщины. При этом плачь женщины не менее детских слез колит и режет душу и сердце, даже сильного мужчины.

Вот и сейчас я понимал, что слезы жены – это из-за упрямства, чтобы не сказать тех слов, которые должно, которые хочется произнести, но мешает гордыня. Она упертая. Дедовы гены, Малюты Скуратова, наверное, больше остального всплывают. Тот, пусть и был цепным псом Ивана Грозного, кроме государя, никому спуска не давал. Так что лучше так, плача, обнимаясь, чем не помириться вовсе.

– Да, я не хотела, мне было противно, но когда мне сказали, что ты кухонных девок... Я хотела тебя убить, а после ты во сне стал приходить и там... Так что я хотела, но ты не шел, ты не взял силой, хотя, как муж мог. Вот и пошла бы в монастырь на зло тебе.

Ну и как женщин понять? Я буду сопротивляться, но ты все равно виноват, что отказался брать силой. Живу вторую жизнь, а так и не понял их.

– Может тогда здесь и сейчас?.. – спросил я.

– Так сразу? Еще не примирились? Обождать нужно! – неуверенно говорила Ксения.

– Да хрена там! – решительно сказал я и стал срывать одежду с жены, а чуть позже взял со стола нож и стал разрезать материю.

Навыдумывают платьев!..

Ксения была одета во что-то, что можно было назвать синергией стилей: русский фасон с широкими одеждами чудным образом соединен с итальянским стилем приталенного платья. Так что корсет я просто разрезал. И нисколько не думал над тем, что царице из обеденного зала просто нельзя будет выйти, так как одежды на ней не останется. Не думал и о том, что слуги, расценив молчание, как знак подавать еду, зайдут и увидят, как царь «отжаривает» царицу. Именно так, ибо страсть была невероятная и тратить время на ласки было выше моих сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.